Пиковый туз

Автор:
Стасс Бабицкий

Пиковый туз

Стасс Бабицкий

Сыщик Мармеладов

1875 год. Москва содрогнулась от череды жестоких убийств. В Нескучном саду злодей зарезал уже трех девушек, да не простых, а фрейлин императорского двора. Возле каждой нашли игральную карту – пикового туза. Тайный знак? Или просто куражится гад? Поди разберись. Полиция сбилась с ног, не в силах изловить лиходея. А кровавый маньяк готов убивать снова и снова… Пришлось обратиться за помощью к бывшему каторжнику, он-то знает, как мыслят преступники.

Стасс Бабицкий

Пиковый туз

Часть первая. Душегуб из Нескучного сада

I

В конце июля, довольно прохладного, но все же солнечного, средь бела дня, один почтмейстер вышел из своей конторы в Гагаринском переулке и быстрым шагом направился к Пречистенке. Можно даже сказать – побежал. Старался не терять достоинства и степенности, но двигался настолько торопливо, что дважды ронял форменную фуражку.

К груди он прижимал конверт с сургучными печатями. Рука закрывала адрес, но приметливый прохожий сумел бы разглядеть надпись красными чернилами, выползающую слева, из-под большого пальца: «Лично, в собственные…»

Из ворот особняка Холмогорова неожиданно выехала коляска. Ни скрип рессоры, ни ржание лошадей или гиканье извозчика, о ее появлении не предупредили. Почтмейстер шарахнулся в сторону, и в третий раз уронил фуражку, которая покатилась, подскакивая на брусчатке. Поминая лукавого со всей его рогатой родней, он бросился следом, точно юный гимназист. А ведь не мальчик, намедни стукнуло сорок лет. Усищи, вон какие, в половину лица, отращивать начал еще в молодости, когда служил в кавалерийском полку. Впрочем, как приговаривает его квартирная хозяйка, не в усах честь, оне и у мыша есть…

Поймал беглянку, нахлобучил на голову плотно, аж козырек на глаза съехал. Из-под фуражки выбивались кудри – не те разлетающиеся по ветру романтические завитушки, которые иные прекрасные дамы любят накручивать на тонкие пальчики, называя славного юношу Лелем или Адонисом. Нет, это был жесткий каракуль, своенравный и непокорный, подходящий к характеру главы почтовой конторы. Тот был упрям, как баран и при этом по-бычьи силен. Наверное, стоило бы прекратить высматривать в его образе черты, присущие обитателям скотного двора, но нельзя обойти вниманием ту удивительную стать породистого рысака, за которую в отставного гусара влюблялись встречные-поперечные женщины: дворянки, горничные и прочие модистки. Наличие в его прошлом неприятных страниц, – разжалование за дуэль и каторга по убийственной статье, – не отталкивало, а напротив, добавляло пикантности и авантюрного шарма.

– Убивец в Москве! – подросток со стопкой газет на плече, вынырнул из подворотни на другой стороне улицы. – Кровавая драма в Нескучном саду! Убивец не щадит никого! Подробности токмо в свежем выпуске «Известий».

Почтмейстер остановился, хотел подозвать разносчика свистом, но того успел перехватить дородный купчина.

– Почем торгуешь?

– Две копейки, дядя!

Малец пританцовывал от нетерпения.

– Ишь, две копейки… Бумага дрянная, на самокрутки и то не сгодится. Краска не просохла. Только руки марать.

– По второму заходу тираж допечатывают. Весь город читает! Один ты жмотишься.

– Ишь, пащенок! Ну, твоя правда. Две копейки за кровавые подробности не жалко. Возьму, пожалуй.

Мальчишка бросил монету в нательную кису и побежал дальше, к бульварам, вереща: «Убивец в Москве! Не щадит никого!» Но почтмейстер уже не слушал. Дело столь важное, что даже самые захватывающие новости подождут. Он выскочил на Пречистенку, скользнул взглядом по фасадам аптеки и Политехнического музея, которые обычно игнорировал по причине отменного здоровья, а также отсутствия интереса к науке. Устремился к двухэтажному особняку серого камня. Дом генерала Орлова после смерти хозяина перестроили и сдавали квартиры внаем. Под третьим нумером проживал искомый адресат.

Вошел без стука. Дверь не заперта, а форменный мундир и строгие слова «при исполнении» утихомирят всякого, кто позволит себе возмущаться. Но вторжение протеста не вызвало.

Щуплую комнату перегораживал письменный стол. Судя по созвездию чернильных пятен на его суконной поверхности, жилец часто хватался за перо впопыхах, писал быстро, стараясь изловить разлетающиеся мысли и поскорее заключить в бумажные листы. Кроме пресс-папье и чернильницы, здесь стояла хрустальная ваза с одиноким яблоком. Из-за стола выглядывала резная спинка немецкого полукресла, а в дальний угол втиснулась оттоманка, обитая черным жаккардом[1 - Дорогая ткань с крупным рельефным рисунком.] с золотой нитью. В обстановке сквозили достаток и некоторая спесь, а уюта не чувствовалось. Вошедшему гостю и присесть-то некуда, приходится топтаться в дверях. Хозяин на узком диване лежит, словно в гробу, – тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, но

право же: руки на груди сложены, веки прикрыты…

– Спишь? Так все и проспишь! – бросил почтмейстер от порога. – Сходил бы хоть прогулялся по Пречистенке. Благодатная улица. Такая красота вокруг!

– Красота? Я теперь нигде красоты не вижу.

Квартирант не спеша сел, оправил жилет и пригладил темно-русые вихры. Спал он одетым, не сняв щегольские, но уже стоптанные черные туфли. Сюртук же был презрительно брошен на пол. При этом жилец не выглядел неопрятно – лицо гладко выбрито, одежду недавно чистили. А вот настроение… Нет, не грусть, не тоска, и тем более, не черная меланхолия. Скорее, задумчивая отрешенность.

– Зря ты, братец! – усач вытирал испарину. – Красота она везде и когда-нибудь мир спасет. Это мне давеча один знакомый князь втолковывал.

– Наверняка молод твой князь, до безобразия, – огрызнулся собеседник, лениво потягиваясь и зевая. – В юности взор и мысль требуют простора, стремятся наружу. С годами начинаешь больше внутрь, в себя поглубже заглядывать, да в других людей. Тут красоте и конец.

– Врешь! Ты и сам далеко не старик, годами моложе меня будешь. Разве не замечаешь… Да вот хоть домов красивых вокруг? – почтмейстер кивнул в сторону окна с отдернутой занавеской. – Или вот, – он схватил из вазы на столе краснобокое яблоко, – смотри, какое! Наливное, с тонкой кожицей, тепло среднерусского солнца впитало, а пахнет – душа радуется. Опять, скажешь, не красота?!

– Лишь на первый взгляд! Как ты не поймешь… В красивых интерьерах подчас душные и унылые люди живут. Кавтарадзе в том белом особняке, – да-да, отсюда колонны видны, – жену и дочь голодом уморил. Месяца не прошло, перевез к себе актрису-француженку. Красота? Или, возьмем пример, отставной штабс-капитан Еропкин открыл картежный притон в доме возле церкви, без тени стыда. Вот, что я вижу вокруг. В любом могу разглядеть скрытый яд. И в яблоке твоем заранее предполагаю мерзкого червя, который красоту уничтожит. Не сегодня, так вскорости.

– А мне, может статься, вдвойне милее червивое, – упрямился почтмейстер. – В нем видится борьба и единство противоположностей. Немецкие философы те еще словоблуды, но это точно подметили. Чтобы победить зло, нужно признать: оно есть в каждом из нас. Борьба внутри проходит, поэтому красота и необходима, в противовес уродству. Два полюса, ад и рай, чтобы было понятно от чего бежать, к чему стремиться. И яблоко я тотчас же съем, а ежели найду червяка, то просто выплюну.

С этими словами откусил чуть не половину и захрустел.

– Стало быть, для тебя красота – нечто непременно доброе и близкое к Богу. Обещание вечного блаженства. Тогда поостерегись яблоки грызть, именно за такое, обычно, из райских кущ выгоняют. Ну, ну, не багровей лицом. Шучу, – постоялец говорил спокойно, но в его темных глазах сверкнула озорная искорка. – Ты не прав, и немцы твои тоже ошибаются. Человек готов бороться и страдать не во имя красоты, а ради покоя. Стабильности люди ищут. Скучной, серой, неказистой. Как у меня сейчас.

– По своей мерке судишь, – скривился почтмейстер. – Ты из тьмы идешь, значит, для тебя и серость – прогресс. Половина дороги к свету! Но есть люди по своей природе светлые. Они, сколь бы жизнь не испытывала, с доброго пути не сбиваются.

– А чего рожу морщишь? Яблоко кислое попалось?

– Не то слово! Вырви глаз…

– Бывает. Светлое, душистое, да незрелое. Но мы эдак пол дня проспорим о пустом, а ты не с пустыми руками пожаловал.

Почтмейстер хлопнул себя по лбу, причем тем самым кулаком, в котором сжимал письмо. Вышло комично, но не засмеялись. Чересчур грозно смотрелась депеша.

– С петербургским поездом курьер прибыл. Из отделения по охранению общественного порядка, – скороговоркой произнес он. – Привез вот… Печатей казенных не меньше пяти. Внутри, готов спорить на любой заклад, бумага гербовая. Что подозрительно: адресовано на прежнюю фамилию. Ты-то в Москве называешься Мармеладовым, а по документам, с тех времен…

Слова подействовали, словно ушат ледяной воды, куда делись сонливость и медлительность. Обрывки конверта пали на сюртук, украшая его причудливыми эполетами.

– Курьер сам порывался идти, требовал адрес. Но я его приложил парой слов да оставил в конторе водку пить с нашими вахлаками, а сам к тебе бегом. Мало ли, какие тучи нависли. По крайности, предупредить… Чтоб успел… Того…

Мармеладов проглатывал письмо, страницу за страницей, шевеля губами.

– Нет, это не то… Да ты садись, Митя! Садись!

Вцепился в ярко-желтые лацканы мундира почтового ведомства и чуть ли не силой усадил гостя на жаккардовый диван. Потом перешел поближе к окошку, взобрался на подоконник.

– Угадал! Бумага гербовая, дорогущая, но совсем ее не жалеет. Пишет размашисто, витиеватым языком, на десять слов одно по существу.

– Кто не жалеет? Кто? – закудахтал бравый почтмейстер, не переставая удивляться столь разительной перемене в настроении друга.

– Порфирий. Я тебе о следственных методах этого гения рассказывал. Психология-с! Правда, в настоящее время он более известен, как г-н N. Ушел из уголовного сыска в политический. Выявляет инакомыслящих, сеет Петербург через мелкое сито.

– Гос-с-споди! А от нас ему что надобно?

Митя бессознательно произнес это «нас», но тут же обрадовался. Бросить друга в трудную минуту – последнее дело. Вместе отбывали сибирскую каторгу, пережили такое, что и вспоминать страшно. На свободу вышли в один день. Иные увидят в этом пустое совпадение, но он решил – это знак и уговорил приятеля ехать в Москву, где благодаря старым полковым связям нашел себе доходное место по почтовому ведомству. А Мармеладов подвизался на литературном поприще. стал критиком. Талантливым, заметим в скобках, хотя и не в меру язвительным.

– Представь себе, этот корифей сыска взывает о помощи! Слушай, – и, не реагируя на отвисшую челюсть почтмейстера, принялся зачитывать. – «Надо, непременно надо создать охранное отделение и в Москве, и в других городах, в ближайшее время, ибо предчувствую впереди годы грозные и безнравственные. Полиция не справится, она ловит, по большей части, не Наполеонов, которые позволяют себе через кровь переступить, отправить мораль в обморок с одного удара. Нет, их задача заприметить сотни и тысячи самых обыкновенных людей, переступивших через закон в мелком, в таком, что Наполеону, пожалуй, и в голову не придет, – украсть, оболгать, ребенка невинного в разврат втянуть. Не во имя высокой цели. Такие преступники не пытаются мир наново обустроить. На мораль даже не замахиваются, не то, чтоб ударить, а так, посмеиваются за ее спиной да корысть свою пестуют. Мы же в охранном отделении совсем с другими преступниками сталкиваемся – коварными, изощренными. Зло принимает удивительные формы и отличается чрезвычайной жестокостью, противостоять ему приходится с большим усердием и искусностью. А потому, милостивый государь, нуждаюсь в вашей помощи. Помните, в бытность оную вы измыслили теорию о том, как люди становятся преступниками? Сами ее и проверили, перешагнули через препятствие… Помните? Не сомневаюсь. Вы в ту пору чудовище внутри себя пригрели и выпестовали, признаюсь, сам был изрядно напуган ощущением той немыслимой жути, царившей в вашей голове. А после вам удалось пересилить себя и связать этого василиска. Сунули его в мешок, да и бросили в темные воды забвения. Вместе с тем, уверен: чутье на подобных чудищ у вас осталось. Это как после оспы, ежели удалось кому пережить, то зараза больше не пристанет, но, с другой стороны, спросят „болел ли?“ и не спрячешься, не соврешь, – лицо рябое самым навязчивым манером и выдаст…»

Мармеладов захлебнулся длинными предложениями, перевел дух.

– И подобным образом шесть, нет, семь страниц! – усмехнулся он. – Зато на начальственном месте без своих давнишних «так-с» и «вот-с» научился обходиться. Где самая суть? А, слушай: «Обстоятельства вынуждают меня открыть вам историю чрезвычайно деликатную, тоньше императорского фарфора…» Нет, вздор. Своими словами короче выйдет. В Москве убиты две фрейлины, не из свиты императрицы, а приставленные к Екатерине Михайловне…

– Долгоруковой? – Митя пришел было в себя и сумел перебороть отвисшую челюсть, но снова ахнул.

Про фаворитку Александра Второго не давали официальных сообщений, но историю их любви обсуждали не только на балах да светских приемах, об этом судачили мелкие чины в присутственных местах, приказчики в лавках, торговки на рынке, гимназисты, монахини и нищие на паперти. Вся империя знала: десять лет назад выпускница института благородных девиц очаровала августейшее сердце. Влюбленные тайно встречались во Франции, прижили двух деток, а с недавнего времени царь-батюшка поселил прекрасную княжну в Зимнем дворце, вместе с незаконнорожденными отпрысками. Официальная супруга, Мария Александровна, делала вид, что не замечает этих отношений.

– Император отправился с женой на воды, в Баден-Баден, об этом неделю назад в «Ведомостях» писали. Княжне неуютно без покровителя: при дворе ей рады немногие. Она заранее увезла детей в Москву, свиту, понятно, взяла с собой. Двух фрейлин зарезали, – Мармеладов сверился с письмом, – в Нескучном саду. Одну по прибытии, другую на третий день. Г-н N не имеет возможности сию минуту заняться расследованием, но уверен: моя консультация будет небесполезна. Посему и заклинает, – смотри-ка ты! – безотлагательно встретиться со следователем Хлоповым.

– А вдруг он тебя в этих убийствах подозревает? Готовит ловушку? – нервно заерзал почтмейстер. – Придешь, а этот Хлопов-то и прихлопнет…

– Возникни малейшее сомнение на мой счет, он пришлет не письмо, а взвод жандармов – дверь ломать и руки крутить. Порфирий дважды сложную игру затеять не отважится, тем более, речь об особах, приближенных к императору. Психология – заморочка долгая, муторная, а ему некогда рассусоливать, налицо спешка – курьер, депеша… Г-н N хочет добиться результата в самом скором времени. Вежливо просит встретиться секретным образом, чтобы газеты, – он это подчеркнул, гляди-ка, двумя линиями! – ничего не пронюхали.

– Может статься, уже пронюхали! По пути к тебе встретил мальчонку, разносчика. Он горло надрывал, аккурат про убийство и Нескучный сад. А я не купил…

– И ты молчал? – Мармеладов поднял с пола сюртук, надел, даже не пытаясь отряхнуть. – Идем скорее.

– К следователю?

– Еще чего! Мы отправимся в трактир. Там газеты сегодняшние отыщутся, да и обедать пора.

II

Обедали в трактире для извозчиков, притулившемся в проулке за Зубовским бульваром. Почтмейстер оглядел скромную залу, грубо сколоченные лавки, линялые скатерки… Брезгливо вздрогнул и заворчал в усы:

– Не понимаю, братец! Решительно не понимаю. Критикой ты зарабатываешь, положим, рублей сто в месяц. За переводы статей с немецкого и французского – полста. Доходы на уровне надворного советника! Но придет ли надворный советник откушать в такую дыру? Нет. Он отправится к Охотному ряду, будет там, у Тестова[2 - Иван Тестов, московский купец и ресторатор.], уплетать жареных кукушек или молочного поросенка под бутылочку лафита. А ты…

– А что я? – Мармеладов пробирался к свободному краю общего стола, но тут обернулся. – Я сроду не ведал ничего, кроме долгов. Помню хмурые дни, пару медяшек за подкладкой найдешь – и радость. Хватит на сухарь и пиво, дрянное, а при всем том угощение. Откуда мне знать, как правильно деньги тратить? Купил башмаки, не прежние порыжевшие обноски и с целыми каблуками. Сюртук пошил из голландского кастора[3 - Шерстяная ткань с коротким ворсом.], это тебе не драдедам[4 - Разновидность дешевого сукна.] какой, по четыре рубля за метр идет. Квартиру нанял удобную, без клопов. Хватит, пожалуй. В этом вопросе я солидарен с Эпикуром: довольствуйся малым, а все остальное – блажь. Зашел я однажды в Патрикеевский[5 - Большой Патриекеевский трактир – фешенебельный ресторан, располагался на Театральной площади в Москве.]: зеркала, люстры, фарфоровые блюдечки. Вычурно, но невкусно. Не по мне эти галантные угощения – устрицы в меду, пармезанты, лепестки роз в сливках… Баловство и несуразица.

Усевшись на лавку, он щелкнул пальцами, подзывая полового, и продолжил:

– В одном с тобой согласен: советники в этот трактир не захаживают. Но с ними и тошно, со скуки помрешь – рассуждают про политику да скорую войну с турками. А тутошний народ грубоватый, но веселый – песню споют, байкой

потешат. И пища тут простая, зато свежая.

– Трактирщику веришь? – вздохнул Митя, не спеша садиться. – Ох, а рожа у него хитрющая! Я гарантии этакой шельмы в грош не поставлю.

Мармеладов указал на дверь. За наличник, по левую руку от входа, были плотно втиснуты пять кнутов. Посетители, переступая порог, перво-наперво смотрели на них, а после уже крестились на красный угол и шумно приветствовали знакомцев. Кнуты эти, с обмотанными кожаными ремешками вокруг полированных рукояток, определяли качество здешней кухни.

– Означает пять месяцев без отравленных клиентов, – пояснил Мармеладов. – Извозчики народ суровый, но справедливый. Коль скоро один из них от трактирной стряпни занедужит, он работать не сможет. Деньги потеряет, деток без гостинцев оставит. Оклемается, придет сюда и переломит кнутовища пополам. Не со зла, а чтобы подать сигнал сотоварищам: в котелках опасность! Заодно это будет предупреждение трактирщику. Два года назад, в 1873-м, хозяин не внял, а какой-то возчик отравился досмерть. На следующую ночь трактир сожгли… Но покуда кнуты целые, обедай без боязни.

Съели приятели щи да няню[6 - Бараний желудок, набитый кашей и потрохами, запеченный до золотистой корочки.]. К чаю подали ржаные блины, плотные – не свернешь, чтобы макнуть в мед или сметану, ложкой черпать пришлось. Вслед за тем подоспели глиняный горшок с солодухой[7 - Кисло-сладкое блюдо из муки и солода.] и черничные леваши – любимое с детства лакомство.

– Не пора ли почитать про зарезанных барышень? – почтмейстер прошелся до пузатого самовара и обратно, стараясь не расплескать кипяток из щербатых стаканов, а попутно собирая обрывки разговоров.

Мармеладов отсутствующим взглядом скользил по латунным подстаканникам. Ему достался тульский, в виде бочки или, скорее, деревянной лохани, с округлой ухватистой ручкой. А Митя держал ажурный, с орнаментом из ромбов и овалов, судя по выбитому клейму – каширинской мануфактуры. Непарные подстаканники. Такие же разные, как сами приятели. Они и прежде, до каторги, жили несхоже, ныне у каждого был свой круг, где утоляли жажду общения. Но при этом в тревожные моменты полагались единственно друг на друга.

– Слышишь ли ты? Газеты принесли. А народ, вопреки ожиданиям, не сплетничает про убийства.

– Не проведали еще, – пожал плечами Мармеладов. – Это главный плюс Москвы в сравнении с Петербургом. Здесь никому до другого нет интереса. Не лезут к тебе с расспросами, не хватают за рукава на улице, соседи не заглядывают навязчиво. В трактире не подсядут пьяные с излияниями. Я потому и выбрал Москву, другая она. Тише, свободнее. Чистый воздух в самый разгар лета, а в столице не продохнуть от болотной гнили. Помнишь? Город стоит на болотах, на мертвой воде. Оттого у многих возникает безумие или болезни душевные.

– А это не одно и то же?

– Нет, конечно. Безумие крадет разум. Мысли путает, шельмует человека – миражи кругом, иллюзии. Не чуешь реальности. А когда душа болит, она рвется на части, трещит поперек шва, будто туго набитый мешок. Разум при этом свеж и востер, любое действие свое осознаешь, а боль утишить не умеешь. Вот это беда. В таком состоянии прескверных дел натворить можно – сам в аду сгоришь и близких в страдание затянешь. Жестокое убийство юных дев более вероятно в мрачном Петербурге, чем в Москве… Но сбылось у нас.

Прошуршали стопку газет. Митя листал медленно, вчитываясь в сообщения. Мармеладов же просматривал начало новости, а после перескакивал на следующую. Изучили «Ведомости» – и те, и другие[8 - В 1875 году в Москве издавались две газеты с похожим названием – «Русские ведомости» и «Московские ведомости».], – ни слова об убийствах.

– Наваждение! Померещился мне тот малец на улице, что ли? Ведь своими ушами… – почтмейстер повернулся к половому. – А куда подевались «Современные известия»?

– Изучають, – прислужник, не выпуская из рук подноса, дернул головой в сторону дальнего стола.

Мужики сбились вокруг одного, самого грамотного. Кучер с окладистой бородой читал по слогам короткие строчки газетного столбца, с пыхтением продираясь сквозь ферты и яти.

– Давай уж мне, любезный! Быстрее получится, – предложил Мармеладов, усаживаясь на общую лавку. Чтец зыркнул из-под бровей обиженно, но вокруг одобрительно зашумели:

– Верно! Отдай, Гринька, у барина складнее выйдет… По роже видно, образованный оне!

Критик мигом проглотил глазами небольшую заметку, покачал головой:

– Что за автор?! Такими оборотами излагает, что и грамотею заблудиться немудрено…

Бородач приосанился, подталкивая локтем соседей. Вот, видали? И барин вязнет в буквах.

«Третьего дня тому, в Нескучном саду, у охотничьего павильона графа Орлова, прислуга нашла окровавленную молодую женщину. О происхождении ее точных сведений нет. Очевидцы не сумели опознать убитую, но сообщили в редакцию, что на ней было золотое платье, испачканное кровью, и драгоценности. Это, без сомнения, не случайная трагедия – кровавый палач перерезал горло своей жертве, это и стало причиной смерти. Кровавый след тянулся по земле на две сажени, из чего стало ясно: умерла несчастная не сразу, а пыталась ползти, убегая от своего губителя и тщетно взывая о помощи. Но спастись не удалось, она затихла, истекая кровью…»

– Газетчики явно перебарщивают со словами «кровь» и «смерть», – буркнул почтмейстер. – А рассказать им при этом особо и нечего.

– Многовато, да. Но надо же оправдывать цену в две копейки! Ты слушай. «Ходят толки, что это не первая жертва кровавого изувера, а прежде в саду была найдена еще одна убиенная барышня, вся в крови. Полицейские чины ссылаются на тайну следствия, не сообщая подробностей об сем кровавом преступлении…»

– Толки-кривотолки… На базаре подслушали?..

– Нет, Митя. Они достоверно знают и осведомитель надежный. Но раскрывать его нельзя, вот и прячут за размытыми словами.

– Дальше-то что написано, барин? – подергал за рукав осмелевший бородач. Остальные слушали, раскрыв рты.

– Ах, да… «Следствие по этому делу выглядит серой мышью, которая мечется в пустом сарае в поисках хотя бы одного ячменного зернышка. Это не удивляет, господа подписчики! Городовые в Москве умеют лишь выкручивать руки студентам, разгонять торговок, а также брать мзду с мелких жуликов и аферистов, отпуская их из-под стражи. Дознавателям проще выбить признание из невиновного, они успешно практикуют это в последние годы. А изловить дерзкого и кровавого преступника, убивающего в самом центре города, – неподъемная задача, с которой силы, призванные следить за поддержанием порядка, пока не справляются. Посему советуем юным девам избегать прогулок в парках без сопровождения…» Скучный фельетон, пошленький. Автор, некий Берендей, мусолит один известный ему факт, размазывая кус масла по блину. Но на деле-то блина никакого нет, да и масла тоже. Возит жирным пальцем по тарелке.

– «Известия» окончательно испортились. С тех пор, как их выкупил тот заезжий богатей, с Волги. Представляешь? Сапожником начинал, торговал обувью. А ныне газеты коллекционирует, влиятельной фигурой стать желает…

– А кто не желает? – хитро подмигнул Мармеладов. – Между тем три часа пробило, засиделись мы тут. Моцион! Немедля на моцион!

Из-за стола вставали слегка покряхтывая.

– Прогуляемся до реки, – предложил Митя.

Шли вдоль берега, каждый думал о своем. Добрались до Никольского моста. Пару лет назад стоял деревянный патриарх на четырех столбах, а недавно на его месте появился железный здоровяк с коваными решетками. Мармеладов резко остановился.

– Ай да Порфирий, – прошептал он. – Хват! Прежде уже выгибал меня наизнанку, а теперь снова все переворачивает!

Почтмейстер, чуть осоловевший от обеда, не поспевал за его мыслями.

– Мост. Этот самый, улучшенный, крепкий. Не грозит ему вернуться в прежнее состояние, за один миг сделаться шатким, трухлявым и ненадежным. Так? А возьмем меня. Было явление в жизни, которое доктора называли мудреным словом «ипохондрия». Нервическое состояние, болезненное, раздраженное. Сейчас, вроде, другой – сильнее, спокойнее. Нормальным стал по меркам общества. Но ведь нет гарантии, что останусь таковым на века! Наоборот, впасть в прежнюю проклятую ипохондрию – раз плюнуть. Железный мост не боится превратиться обратно в деревянный. А я, Митя, боюсь…

Впервые за год, прожитый на свободе, Мармеладов объяснил приятелю, почему занялся именно критикой. Не от большого интереса к писателям, этих он частенько презирал за излишнюю многословность, в которой тонет сюжет. Ему необходимо было изо дня в день занимать разум новыми историями, чтобы то душераздирающее состояние из юности не вернулось. В любую повесть, новеллу или роман он вгрызался, как голодный ребенок в хлебную горбушку. Искал головоломки, интриги, – лишь бы не допускать свои мысли в ту опустевшую пещеру, где прежде обитало кровожадное чудище. Пустота коварна, непостоянна, рано или поздно ее начнет заполнять тьма.

– А г-н N мне предложил и загадку, и возможность победы над злом. Надежду посулил или, на худой конец, отсрочку. Знал, не смогу я пройти мимо убийства фрейлин.

За рекой виднелся старинный павильон, окруженный красиво подстриженными деревцами.

– Нескучный сад? – изумился Митя. – Ох, не к добру…

III

Титулярный советник Хлопов встретил их без приязни. Был он человеком мелким в душевно-нравственных качествах, да и фигурой, надо признать, не вышел. Университетские зубоскалы в бытность оную коверкали фамилию: «Клопов росточком мал, пальцем ткнешь – смердит». Зато сие насекомое больно кусает! Мстительный юноша записывал в книжицу неосторожные речи и вольнодумные пасквили, а после сдавал обидчиков жандармам. По выходу из университета

протекцию получил: стал следственным приставом в Петербурге. Затем определили на повышение, в Московский окружной суд, где он уже пятый год страдал от зависти, глядя на стремительные карьеры молодых дворянчиков: одно-единственное дело закрыл – и в прокуроры. А он навечно застрял в чине и в должности. Хотя и письма рассылал с предложением реформ, столь модных в наше дни, доклады ежемесячные. Излишними стараниями вызвал у столичного начальства насмешливую реакцию: теперь его именовали не иначе, как Хлопотов. В том числе и в официальных бумагах, нет-нет, да проскакивало. Чему же тут радоваться?! А после доклада об убийстве фрейлин, ему навязали чертова помошничка. Бывший убийца на сторону законников станет, слыхали вы такое?! С другой стороны, может это и не преступник вовсе? Любит г-н N проверки да провокации устраивать… Придется принять, но улыбаться посетителям следователь не обязан.

Обстановка его рабочего кабинета действовала на людей угнетающе. Из нагромождения столов и шкапов буквально-таки выпирала жесткая неуютность, причем нарочитая, продуманная. Увидит вошедший лаково-черную картотеку во всю стену, оскал ее выдвинутых до половины ящиков, живо представит – империя под надзором, все про всех известно, за самый ничтожный грешок сейчас отвечать придется, – коленки дрогнут… А этот робости не испытывает, прошел и сел на одинокий стул посреди комнаты.

– Мармеладов? Разве так вас рекомендовали? – сухой тон, никаких любезностей. – Нет, совершенно точно-с, под другой фамилией. Вот, в письме из столицы указано…

– Это в прошлом, – посетитель бесцеремонно оборвал следователя на полуслове. – Я в каторге венчался и взял фамилию жены.

– Вы женаты, мил’стивый гос’дарь? – Хлопов проявил ненужную дотошность.

– Вдовец, – отшлифованная каторгой душа ощущала огромную боль потери той единственной, сумевшей не только понять, но и простить. Той, которая сожгла свое доброе сердце, чтобы рассеять тьму. Назвавшись Мармеладовым по приезде в Москву, он не пытался сбежать от прошлого, да и не вышло бы, ноша тяжела. Просто хотел вернуть те самые животворные, чистые лучи в свою жизнь. Однако поверять сентиментальный порыв каждому неприятному типу, с которым сводит случай, не собирался. – Но это пустяк, к нынешней коллизии отношения не имеющий. Мы к вам по убийству двух фрейлин.

– Трех, – со вздохом поправил титулярный советник.

– Трех? – удивился Митя, до того молчавший. – Когда третью успели?

– Вчера утром нашли, в Нескучном саду. Я изложу по порядку.

Рассказ следователя содержал живописные, но до того тошнотворные подробности, что почтмейстер распахнул окно, даже не спрашивая хозяина кабинета, и шумно задышал. Мармеладов сидел неподвижно, зажмурившись и скрестив руки на груди.

18 июля, ближе к полуночи, возле Охотничьего домика Трубецких была найдена первая жертва – Варвара Владимировна Кречетова, двадцати трех полных лет. Ей перерезали горло (здесь опустим, уважаемый читатель, вдруг у вас поблизости нет окошка, но запомните принципиальную деталь – рану убийца нанес тонким лезвием). Наткнулись на тело подвыпившие гуляки. Одного из них, приезжего из Киева цирюльника, сразу заподозрили. Душегуб мог действовать обычной бритвой, правильно? А откуда удобнее бритву взять? Именно, именно из цирюльни! Арестовали эту компанию, упрятали по разным камерам в исправительной тюрьме и на третий день они готовы были сознаться. Но тут…

21 июля, около часа ночи, в двух шагах от летнего домика графа Орлова зарезали Марию Самсоновну Ланскую, двадцати двух полных лет. Способ убийства тот же, но сия жертва успела закричать. Выбежали слуги и даже застали фрейлину чуть живой, впрочем она ничего внятного не поведала, поскольку… (вторично опустим, Хлопов излагал историю с животным натурализмом и без всякого сочувствия к погибшей). Убийцу никто описать не сумел, так, мелькнула тень вдалеке, черная или серая.

– Как я докладывал в Петербург, иного насилия не совершалось. Кольца и серьги не взяты, значит, не ради ограбления смертоубийства. Последняя жертва, Лизавета Генриховна фон Даних, двадцати пяти полных лет, сжимала в кулаке алмазную брошь, – следователь многозначительно поднял палец, – и ювелир впоследствии оценил украшение в семь тысяч рублей. Судя по положению трупа и по тому, как кровь залила платье, перед убийством фрейлина стояла на коленях, умоляя о пощаде.

– Но преступник, выходит, презрел и мольбы, и каменья, – пробормотал Митя. – И что, тоже зарезал?

– Понятно, зарезал. Место также совпадает – в Нескучном, на мостике, прямо возле каменной осыпи. Влюбленная парочка бродила там ранним утром 25 июля. Примета есть у молодежи: на рассвете по переправе этой пройтись, взявшись за руки, чтобы семейная жизнь была долгой и счастливой. А в итоге что? Невеста рыдает, в падучей бьется, доктор от нее не отходит. Жених в кабаках пьет горькую, дабы смыть из памяти кровавую картину. Но это невозможно. Пусть десять, двадцать лет пройдет, а перед мысленным взором будет маячить… Мил’стивый гос’дарь, вы не заснули, часом?

– Напротив, ваше благородие, я за долгие годы, можно сказать, впервые проснулся, – Мармеладов распахнул глаза и посмотрел на заваленный казенными бумагами стол. – И ясно вижу: забрели вы в тупик с этим делом. Руки дрожат, письмо в Петербург дописать не можете – кляксы ставите постоянно, а скомканные листы бросаете в угол. С порога эту деталь приметил, попробовал сосчитать – сбился, но их не меньше дюжины. Что пугает вас в этой истории? Какая мрачная мистерия покоя не дает?

Хлопов сник и затеребил нервическим движением узел галстука, будто тот его душит.

– Вы правы, есть загадочная деталька. Пока я об этом г-ну N не докладывал. Он мигом потребует объяснений, а я не знаю, как ответить… Бумагу мараю предположениями, но впустую! Деталька такая, – дрожали уже и подбородок, и второй подбородок, и желтоватые щеки следователя, – рядом с каждой из убитых фрейлин находили игральную карту. Пикового туза из глазетной колоды[9 - Колода карт с «рубашкой», по легенде, срисованной с парчового платья императрицы Елизаветы Петровны.]. Сперва я подумал, обронил кто, не обязательно же убийца. Но после третьего стало ясно: изверг нарочно тузов подкладывает. Только никак не исхитрюсь взять в толк, что это значит.

IV

– Никак не исхитрюсь взять в толк, что это значит, – передразнил титулярного советника Митя. Правда, предварительно оглядевшись, не слоняется ли поблизости какой соглядатай. – Ты-то понимаешь, братец?

Два часа они вышагивали по аллеям Нескучного сада. Изучили места, где произошли смертоубийства. Ничего эдакого не заметили. Но время от времени Мармеладов, к окончательному изумлению приятеля, начинал чудить. У цветника поднял с земли палку и замахнулся, нападая на незримого врага. В другой раз притаился за углом летнего домика и воровато заглянул в узкие окна. А у мостика рухнул прямо в дорожную пыль, прополз пару аршин, не щадя своих брюк и коленей, после чего скатился с каменной осыпи вниз, к усохшему ручью.

– Теперь понимаю, – заявил он, поднимаясь. – Это не простые убийства, Митя. Не под влиянием момента, нет. Некто заранее спланировал осознанное предприятие. Знал, с какой стороны выгоднее подойти к жертве, в какие кусты убегать…

– И для этого понимания обязательно было штаны в грязи извалять? – брюзжал почтмейстер.

– Подумаешь, штаны! – с горячностью возразил Мармеладов. – Тот, кто готовил эти зверства исходил парк вдоль-поперек, выбирая глухие аллеи, чтобы заранее набить грязью свою голову. Знаешь, почему таких убийц называют хладнокровными? В первый раз допускаешь шальную мыслишку и ужас втискивается в мозг, подобно куску льда. Оттого кровь стынет в жилах. А мысль ширится, обрастает деталями, становится плотнее и тяжелее. Начинаешь постоянно крутить в голове все до последнего эпизода. Сердце человеческое восстает против адской затеи, хоть оно чаще всего и надорванное уже, но сопротивляется. Горит огнем, колотится в лихорадке. Тут самая борьба и происходит. В светлой горнице или на припеке солнечном, жар сердца непременно растопит ледяную занозу, та изойдет лужицей, вытечет слезами. Многие так и не решаются, – это к счастью, Митя! – жизнь у другого забрать. Но в углу запаутиненном, в каморке под лестницей или в мрачном парке, среди грязи да слякоти… Легче решиться. Здесь ледяная кровь потихоньку остудит, заморозит нутро. Если сумеет человек заполошный стук в груди усмирить – все, конец! После руки сами зло сотворят.

Он поглядел на свои пальцы, перепачканные в земле, и вздрогнул, когда алеющий закат подсветил ладони красным. Сорвал листья с ближайшего дерева и поспешил вытереть.

Почтмейстер потянул носом свежий воздух, в котором разливались ароматы засыпающих цветов. Вслушался в жужжание позднего шмеля.

– А по мне, приятное место. Свежее. Тихое…

Договорить не успел. Из соседней аллеи, уходящей волнистой линией к центру сада, донесся крик. Митя проломился сквозь живую изгородь и обнаружил на дорожке то, что в наливавшихся сумерках поначалу принял за кипу белья. Может, прачки обронили? Чу, да это девочка! Жива ли? В два прыжка оказался подле, прогоняя видение глубокой вспоротой раны… Жива! Шея тонкая, молочно-матовая и, по счастью, целехонькая.

– Не бойся, маленькая, я дурного не сделаю. Видишь – мундир с золотыми пуговицами. Нешто солидный господин и ребенка обидит? Ну-ну, чего опять в слезы? Больно? Ногу, видать, подвернула. Поднимайся тихонько, обопрись на меня.

Успокаивающий голос подействовал: девочка перестала всхлипывать.

– Тебя как звать-величать?

– К-К-Катериной.

– А годков сколько?

– Се-сем-надцать.

– Надо же, а по виду ты, – Митя смутился, – то есть, вы… Дите малое…

Он начал приглядываться и обнаружил откровенное декольте под прозрачной накидкой, вполне сочную грудь. Губки на кукольном личике округлились с недетским кокетством. Одна, вечером, да еще и в этаком наряде. Не гулящая ли?!

– Возвращалась в особняк Долгоруковых, хотела дорогу срезать через парк, – она почувствовала его подозрения и поспешила объясниться, – но заплутала с непривычки. А тут злодей из куста выпрыгнул.

– Постойте-ка, вы – новая фрейлина! – догадался почтмейстер. – Вместо одной из погибших.

Снова-здорово. Заревела. Ох, фалалей[10 - Балбес (устар.)], голова мякинная, сам напомнил про жестокие убийства. Но и девица хороша! Сунулась в темные аллеи без провожатого, а засим чуть жизни не лишилась. Нельзя бросить ее и уйти. Головорез может вернуться.

– Расскажите о приметах упыря этого.

– Я особо-то не разглядывала. Помню бороду лопатой. А еще черную рубаху. Сатиновую.

Да-с, не густо. Он приобнял молодую особу за плечи – не фамильярно, по-отечески, – другой рукой поддерживал локоть и чувствовал, как она вздрагивает: любое движение отдавалось болью в расшибленном теле. Шли не торопясь. Митя подстраивался под короткий, семенящий шаг до самого дома с колоннами. Катерина закусывала губы, чтобы не вскрикнуть. Это ему понравилось, да и не только это. Золотистые локоны щекотали волевой гусарский подбородок, а синие глаза фрейлины переливались волнами обожания и восторга. Такие взгляды обычно достаются героям или любовникам. И хотя Митю давно не записывали в первую категорию, он был не прочь оказаться во второй.

– Смотри, егоза, больше затемно одна не бегай! – напутствовал на прощанье у решетки ворот, срываясь на интимное «ты» и, может быть, чуть громче, чем требовали приличия. Зато привратник поднял голову, выныривая из легкой дремы, и будет таращиться вслед барышне, пока та не дойдет до крыльца. Ежели напасть какая – защитит.

Всю обратную дорогу почтмейстер улыбался. Прошел из конца в конец одну аллею, затем следующую. Куда исчез его товарищ? А вот, откуда-то сбоку, звучат приглушенные голоса. Один гугнивый, казалось от него разит гнилыми

зубами и дешевой бражкой:

– Ты где это, лапсердак[11 - Пиджак (жарг.)], учился по музыке[12 - Воровской язык, а в более широком смысле – воровская жизнь (жарг.)] ходить?

– Подальше, чем ты, – а ответил уже Мармеладов.

Да, несомненно, его манеру ни с чьей иной не спутаешь, всегда излагает чуть насмешливо.

– В Бутырской академии[13 - Бутырская тюрьма (жарг.)] или в Каменщиках[14 - Таганская тюрьма (жарг.)]?

– В сибирском остроге.

– Силен! – уважительно поцокал языком гундосый.

Митя вышел из-за кустов к тому самому мостику и увидел приятеля, сидящего на перилах. А подле него…

– Ах ты, супостат! – взревел почтмейстер и кинулся на бородача в черной косоворотке.

Не ожидавший подвоха разбойник шарахнулся назад и свалился в обмелевший ручей. Вскочил, отфыркиваясь, точно большой кудлатый пес. Митя лихо спрыгнул вниз, сгреб его в охапку.

– Попался, кровопийца. За все ответишь!

– За какой именно проступок, позволь уточнить? За то, что на людей кидается, пугает их да на землю швыряет? Тогда вы с ним по одной статье пойдете, – рассудительно заметил критик. – В убийствах Архипка не виноват. Это, друг мой, обыкновенный шарапник, из тех, кого в полицейских протоколах называют «напрыжником». Его задача выскочить из-за угла, напугать и, пока жертва не опомнилась, забрать что-то ценное.

– Он же… Полчаса не прошло… На фрейлину напал! – гнев понемногу выветривался, но дышал Митя тяжело, угрожающе.

Бандит замычал.

– Ты захват-то ослабь, – посоветовал Мармеладов. – У нас, веришь ли, увлеченность взаимная. Не убежит.

Освобожденный из тисков бородач упал на колени и долго откашливался. Умылся из ручья, туда же сплюнул, потом взял развязный тон:

– Складно звонишь, туточки и на храпок, много чего словишь. Камбалу или луковицу, а то, глядишь, обруч красного товару. Бывает персяк или уздечку, а у кого и пригоршню птичек. Набил трифона, после к барыге!

Митя тряс головой, так делают ребятишки, если вода попадает в ухо. Хотя ему было гораздо неприятнее: слова тюремного жаргона, старательно и намеренно позабытые, вспыхивали в мозгу. Напоминали о каторге. Само собой пришло понимание: напрыжник отбирал у прохожих золотые лорнеты, карманные часы и кольца, не брезговал сорвать с головы платок или шляпку, деньги отнять, а мешок с добычей тащил к скупщику краденого.

– Те дни на гопе[15 - Воровской притон (жарг.)] провел. Больно много золы[16 - Полиция (жарг.)] тут было, и неспроста. Я кой-чего знаю, – разбойник понизил голос. – Недалеко отсель Алексей Алексеевич нашел мамзельку, зорянкой чинявую[17 - Ножом зарезанную (жарг.)].

– Что за Алексей Алексе…

Но Мармеладов не дал приятелю закончить вопрос, перебил:

– Про это мы знаем поболе твоего! Возле зарезанной девицы карту нашли, туза пикового. Может, кто из ваших таким образом сигнал или весточку передает?

– Чтобы вор из молитвенника[18 - Колода карт (жарг.)] скинул господина Блинова[19 - Пиковый туз (жарг.)]? Э, нет, шалишь. После такого фарта не жди. Да и нет никакого резона мамзелек резать. За горло придушишь для блезиру, –

она все отдаст и ширман наизнанку вывернет.

– Что за ширман? – напрягся почтмейстер.

– Нешто не знаете? – удивился Архип. – Это же кармашек потаенный, на юбку нашитый, в складках. Снасильничать и того проще: ладонь барышне на лицо кладешь, та обмякнет, сознание долой. На мокрянку[20 - Убийство (жарг.)] никто с нашей хивры[21 - Банды (жарг.)] без нужды не пойдет. Это нелюдь завелся, зверина бешеная!

Митя отказывался верить кудлатому псу, стоял, набычившись, сжимая и разжимая кулаки.

– За каким бесом ты на фрейлину напал?

– А приметил богатый вензель на груди приколотый. С жиразолью[22 - Драгоценный камень.].

– У-у-у, стервятина, – не сдержался почтмейстер и отшвырнул чернорубашечника мощным пинком. – Поди прочь!

– Погоди-ка, торопыга. Мы еще не рассчитались, – Мармеладов достал из кармана сюртука золотую подвеску, украшенную прозрачно-голубыми опалами с радужным отливом. Тот самый вензелек. – Ты, Архипка, добычу оценил в трех «петухов»[23 - Купюра, достоинством в 5 рублей (жарг.)], так?

Бородач одобрительно гукнул и облизнулся.

– Но мы с тобой оба знаем, ни один барыга отсюда и до Марьиной рощи за эту жиразольку больше «карася»[24 - Купюра, достоинством в 10 рублей (жарг.)] не даст, так?

Бандит сник.

– Так.

– Не журись. Вот тебе двенадцать рублей, – Мармеладов отсчитал серебряные монеты, – и каждый не в накладе. По рукам?

Бандит растворился в сгустившихся сумерках, словно капля крови в бокале мадеры.

– А лорнет и впрямь похож на камбалу, не находишь? И в часах есть нечто неуловимо-луковичное, – произнес Мармеладов, глядя вслед убегающему разбойнику. – Не зря воровской язык называется «музыкой». Образный, и даже чересчур изящный для таких диких натур.

– Чтоб у этих натур потроха вспучило! – буркнул почтмейстер. – Ты тоже хорош. Заплатил за брошку, а мог попросту забрать у сквернавца. Краденая же!

– То есть, кто у вора украл, тот и не вор? – изогнул бровь Мармеладов. – Нет ни малейшего желания проверять на прочность сей спорный постулат. Пойдем к свету из этих зарослей, путем доскажу. Помнишь, ты в рыцарском порыве поспешил на крик девы, попавшей в беду? Я тоже сорвался было вслед, но приметил, как за деревьями крадется этот самый тип. Ухватил за бороду, тряхнул пару раз, ругнулся позабористее, и – представь себе, – он проникся ко мне доверием. Грязные ли штаны произвели уютное впечатление, или слова на воровском жаргоне, но уверился Архипка, что мы одного поля ягоды. Умолял выкупить украденную вещицу. «Ежели с ей поймают, сразу в буршлаты[25 - Наручники (жарг.)] и к дяде на дачу[26 - Пересыльная тюрьма (жарг.)]. Выручай, лапсердак!» – он скопировал и голос, и ярославский говорок бандита. – Просил пятнадцать целковых, но я сторговал дешевле. Выгодная сделка! В любом ломбарде легко отслюнят двести: вензель-то императорский. А напрыжник того не разглядел.

– Ты наживаешься на этой истории? Ни в жизнь не поверю! – хмыкнул Митя. – Но я не понимаю этот карамболь, ей Богу не понимаю.

– Денег я ему дал за ценные сведения. А это, – Мармеладов подбросил украшение на ладони и отдал почтмейстеру, – верни фрейлине. Немедля! Прекрасный повод нанести поздний визит барышне, запавшей тебе в сердце.

– Приятная, спорить не стану. Но откуда ты вывел сердечный интерес?

– Иначе ты бы не бросался с кулаками на ее обидчика, не разобравшись, сгоряча.

Митя покраснел, радуясь, что в темном парке его смущение не слишком заметно и поспешно увел тему на другое.

– Кого упоминал этот гнус? Не помню имя и отчество, не вовремя ты, братец, перебил…

– А-а-а, это голытьба в Москве повадилась так слуг называть. Любой лакей – Алешка, дворецкий посолиднее, потому – Алексей Алексеевич.

Они вышли из парка и свистнули извозчика. Пока пролетка подъезжала, гремя ободами колес по мостовой, Мармеладов негромко подытожил:

– Сбежавший разбойник или его дружки никогда не устоят перед чисто человеческим желанием – поживиться. Эти непременно отобрали бы цацу, в семь тысяч оцененную, у погибшей Лизаветы Генриховны. Но тогда зачем руки кровью пачкать?! Нет, у злодея желания нечеловеческие. Он знал своих жертв и сводил с ними личный счет. Наслаждался их беспомощностью, мольбами… Чувствую ненависть, лютую и безжалостную. Но еще сильнее – одержимость! Пикового туза выставляет напоказ, вместо подписи: глядите, моих рук дело. А убивает ради идеи, которая для него лично дороже золота. И вот это, доложу я тебе, по-настоящему жутко.

V

Расставшись с приятелем, Мармеладов отправился домой. Но передумал. Велел извозчику проехать чуть дальше и остановить колымагу возле церкви.

– Поздно спохватился, барин, грехи замаливать, – прошамкал беззубый возница. – Свечи уж выгорели…

– Никогда не поздно, – назидательно сказал сыщик, опуская в трясущуюся руку пару монет, – замаливать старые грехи и совершать новые.

Повернулся спиной к храму и пошел в карточный притон по соседству. Владелец его, отставной штабс-капитан Еропкин, слыл человеком прижимистым. Вина ставил дрянные, да и водку тоже. Сукно на столах пестрело заплатами. Подсвечники из дешевых, не чета золоченым канделябрам Английского клуба. Приходил сюда народ небогатый: приказчики, артельные бригадиры, коллежские регистраторы и провинциальные секретари. Студенты прибегали, с горстью медяков на удачу. По пятницам наведывался околоточный надзиратель. Сводил брови и рычал: «Ужо я вас, пр-р-роходимцы!» Хозяин уводил его в отдельный кабинет, где полицейский начальник опрокидывал рюмку французского коньяку, а после получал в знак особого расположения банковский билет неизвестного достоинства – то есть, им обоим прекрасно известного, но гости как не старались, ни разу не сумели углядеть, какую бумажку прячет в кулаке служитель закона.

– Пришлю городового, пущай дежурит у дверей, – басил тот вполне дружелюбно, но спохватывался и раскатывал по залу с прежней строгостью, – чтобы эти печенеги чего не набезобр-р-разили!

И на прощанье, вполголоса:

– Ты, Кузьма Григорьич, того… Не позволяй моим охламонам проигрывать казенное обмундирование. Ставят, понимаешь, на кон то сапоги, то фуражку с номерной бляхой, чер-р-рти окаянные.

Штабс поддакивал, сверкая хитрыми глазами. Он не принимал в залог вещи или драгоценности. Любой портсигар или часы могут оказаться краденными, с ними проблем не оберешься. А монеты или банкноты попробуй-ка, отследи. Докажи, что ворованные! Поэтому игра за столами шла исключительно на деньги.

На чем не экономил скупердяй Еропкин, так это на картах. Колоды новенькие, не стриженные, без заломов и отметин. Пергаментную обертку с хрустом рвали прямо перед игрой, чтобы пресечь любое плутовство. Шулеров в притоне не жаловали, коль скоро попадались – нещадно били, а лишь потом отдавали полиции. Однако ловкачи все равно пробирались под видом ротозеев из мелких чинов или тех же студентов. Охватив цепким взглядом дюжину столов, Мармеладов приметил минимум трех.

Толстый лапотник в ситцевой блузе прилагал огромные старания, чтобы казаться неуклюжим увальнем. Ронял карты, время от времени переспрашивал – по правилам ли будет сходить вот эдак? Игроки, уставшие от вина и сигаретного дыма, обсуждали: везет же недотепе. Горка монет перед ним неуклонно росла, от выигрышей жирдяй конфузился, покрывался испариной и невнятно лопотал. Но сыщик видел: пальцы-колбаски сдают карты с верха колоды, а для себя выдергивают из-под низа, куда заранее замешаны были короли и тузы.

Брюнет с мелкими усиками, похожий на итальянца, но назвавшийся Князем Тифлисским, выбрал иную тактику: травил сальные анекдоты. Противники начинали хохотать, в этот момент плут подсовывал одному из них колоду на резку. Те тыкали пальцем не глядя, задыхаясь, смаргивая набежавшие слезинки – истории у чернявого и впрямь смешные, до колик. А шустрец заранее делил стопку острым ногтем большого пальца и сносил карты как ему выгодно. Каждую третью игру сознательно пускал на ветер, чтобы отвести подозрения, но ставки делал минимальные и оставался в выигрыше.

Третий вышагивал от стола к столу, разодетый франтом. Ждал, пока какой-нибудь картежник уйдет с проклятиями, проигравшись в пух и прах. Тогда можно занять освободившееся место и обобрать победителя. То, что это тоже шулер, Мармеладов вывел после недолгого наблюдения. Во-первых, щеголь раскусил первых двух обманщиков и не стал подсаживаться к ним. Нет смысла грызться с волками, ведь еще за десятью столами сидят непуганые бараны, готовые к стрижке золотого руна. Во-вторых, в душном помещении все давно разделись до рубах, а этот не снимал ни сюртука с высокой талией, ни жилетки из серо-голубого казинета[27 - Недорогая полушерстяная ткань.]. Наверное, в рукавах или потайных кармашках припрятаны нужные карты.

– Ну-с, извольте получить семьдесят рублей, – писарь из нотариальной конторы раздраженно бросил ассигнации поверх выложенных веером туза, десятки, короля, дамы и валета. Бубновой масти.

– Мажорная квинта, да еще и на козырях. Ух, везет басурманину! – зашептались немногочисленные зрители, а казинетовый поспешил плюхнуться в кресло.

– Сыграем на все? – предложил он.

В ответ соперник молча смахнул рукавом цифры, записанные в столбик прямо на лоснящемся, затертом до дыр сукне. Очертил мелом квадрат для подсчета очков. Кивнул, приглашая сдавать. Франт осклабился и сгреб колоду.

– Вишь-ты, головой трясет, аки китайский болванчик… По-нашенски ни бельмеса! – зеваки переключились с выигрышных стратегий на личность удачливого игрока.

Прошли те времена, когда француз в узком фраке или немец с моноклем вызывали удивление московской публики. Сейчас многие, не только из высшего света, но даже и среди мещан, стремятся подражать европейской моде. Нарядиться так, чтобы тебе вслед свистели удивленные прохожие, а мелкие сорванцы бежали вслед, до угла, желая подольше любоваться на заморское чудо – такое мало кому удается. Но этот человек привлекал взгляды в любом месте, где бы ни появился. Он выделялся из толпы уже одним лишь высоким ростом, но вдобавок носил шитый золотом халат. Лицо его цветом напоминало взболтанный яичный желток. Глаза – узкие щелочки, словно постоянно щурятся от яркого света. Длинные, как у девицы, волосы собраны в конский хвост, а на лбу и висках выбриты проплешины. Азиатец, редкий гость в белокаменной. За таким мальчишки по улицам следуют в почтительном молчании: не сразу сообразишь, как дразнить и про что зубоскалить – вон, сколько поводов, аж оторопь берет. Завсегдатаи еропкинского дома тоже быстро выдохлись и пришли к выводу: болванчик, сиречь, болван, а дуракам – счастье, оттого и везет нехристю.

– Кто бы мне объяснил… – пробормотал Мармеладов.

Бойкий старик из числа наблюдателей повернулся к сыщику.

– С превеликой охотой, сударик мой. За этим столом играют в безик. Кто первым наберет тысячу очков, тому весь банк и достанется. Хороший банк, солидный. Не убоюсь слова «банчище»! Семьдесят рублей нонешних, да с прежних выигрышей сто тридцать целковых, пожалуй, наберется. И с другой стороны Жилет аналогичную сумму ставит. Четыреста рублей за партию, видали вы такое?!

Скрипучий голос звучал достаточно громко, чтобы заманить всех присутствующих. Игроки вытягивали шеи от других столов, кто-то бросал свои карты с неудачным раскладом и подходил посмотреть. Многим такой кучи денег

хватило бы на целый год, а выиграть ее одним махом никто и не мечтал.

– Смешивают две колоды, без шестерок, – продолжал доброхот. – За выигранные карты даются очки, но куда больше приносят комбинации: марьяжи[28 - Король и дама одной масти.], кварты[29 - Четыре карты одного достоинства.] и квинты[30 - Пять карт одной масти, идущие подряд.]. За них, сударик мой, самая битва и пойдет.

Шулер тем временем раскидал на две стороны по восемь карт. Остальные положил на стол и предъявил козырь: семерка червей.

– Обломал я вашу удачу, как сосульку с карниза, – ухмыльнулся он, записывая в свою пользу десять очков.

Зрители потирали ладони в предвкушении проигрыша заезжего счастливчика, при этом задавались вопросами: «а есть ли карнизы в домах у китайцев?» и «бывают у них суровые зимы, чтоб прямо со снегом, с сосульками?» Иными словами, дошел ли до щелеглаза смысл издевки. Тот пожал плечами и выложил козырного короля. Венценосец был нещадно бит тузом, и на счет Жилета добавилось еще пятнадцать очков.

– После первой взятки разрешается нахваливать свои марьяжи. По одному за ход.

– Правила я помню довольно сносно, – прервал Мармеладов разговорчивого старика. – Меня изумляет само появление в эдакой дыре столь сочного персонажа.

– Китайца?

– Заладили тоже, хотя ничего не смыслите. Китайцев я встречал в сибирских… городах, – сыщик проглотил упоминание о каторге. – У мандаринских жителей волосы заплетены в косицу, и одеваются они иначе. Нас же, насколько я могу судить, посетил японский дворянин, коих еще величают «самораями».

– Сами в рай попадают? В обход остальных что ли? – заржал неопрятный артельщик.

– Эти японцы отчаянные воины, очень гордые люди с особым кодексом чести, – произнес Мармеладов с нажимом. – Вряд ли такому понравится, что над ним смеются. Отрежет шутнику уши или еще чего.

Мастеровой нервно сглотнул и стал бочком пробираться к выходу.

– Прежде я видел таких на зарисовках в книжице у нашего путешественника… Запамятовал фамилию! Оттого и любопытно, с какой оказией заморский гость в Москве очутился?

– А про то знаю я, – хозяин не обиделся, что его картежный дом назвали «дырой». Бывало, и похуже обкладывали, но доход идет, а прочее не в счет. – Зашли сегодня, как стемнело. Этот и с ним двое.

– Тоже японцы? – люди озирались по сторонам, в надежде увидеть еще пару расписных халатов.

– Куда там, один – студент в картузе, другой – казак с рыжим чубом. Я пеструю компанию безотлагательно заприметил, среди тутошних серых рож редко попадается подобный колорит. Спрашиваю: откуда будете? Оказалось, едут из Санкт-Петербурга на южные границы империи. Деньги на путешествие им срочно потребны, отважились испытать судьбу в моем заведеньице, – он надулся от гордости. – У Еропкина самые честные шансы, и в заграницах про то знают!

– Но в столице тоже не на каждом шагу самораи встречаются, – сыщик подтолкнул мысль собеседника в нужном направлении. – Жил я там, многое повидал, а такого не припомню.

– Обождите! Я к этому и подвожу. Нетерпеливые все стали, единым духом вынь да положь. А любая история, подобно реке в русле, свое течение имеет. Нечего на ней запруды строить, господа любезные! – отставной вояка покраснел и стал взмахивать рукой, он закипал от гнева всякий раз, когда перебивали или понукали. – Выспросил у юнца в картузе доподлинные сведения. Японец сей и вправду знатного рода, приезжал в составе посольства от их императора к нашему. Морем плыли три месяца, от скуки даже русский язык учили. Подписали договор про обмен россыпи мелко-каменных островов на Сахалин, – я, право, не запомнил что именно отныне принадлежит России. Но мы с вами туда и не доберемся, чтоб поглазеть на эти… Курилы, кажется. Самодержец в даль

несусветную тоже вряд ли поедет. А чего своими очами не лицезрел, перстами не щупал – за то и сердце не болит, правильно?!

Интерес к путанному рассказу штабс-капитана понемногу спадал. Отчасти, это было вызвано новой удачей «болванчика» – в очередной ход он выложил на стол четырех тузов и вырвался на сто очков вперед.

– Но самое забавное, – повысил тон Еропкин, стараясь вновь перетянуть внимание на себя, – в столице с этого чудака пытались снять одежду прямо на улице, да чуть не пришибли насмерть!

В толпе понимающе загудели: ходить в золоте по темным закоулкам себе дороже. Грабителей развелось…

– А тут казак проходил мимо. Выручил, разбойников прогнал. С тех пор японец в долгу – так у них принято, и, представьте, будет служить своему избавителю, пока не отплатит тем же. Едет теперь на Кавказ вслед за усатым. О как!

Развязку истории встретили одобрительным гулом, а многие захотели вспрыснуть вином, да и угостить отважного казачка, но не нашли его среди гостей, сколько ни оглядывались. Не увидели и студента. Может, выдумал штабс, чтобы потешить публику? Байка завтра разойдется по округе, послезавтра, обрастая выдумками и домыслами, по всей Москве. Народ повалит толпой, желая узнать из первых уст про удачливого басурмана.

А тому опять сказочно везло. Сыграл четырех дам и под конец колоды квинту на трефах. Раздали заново. Франт уже не насмешничал. Пришли в начале второй партии пиковая дама и бубновый валет – безик! – сократил отставание на сорок очков, но между ними пропасть и сарай к победе ближе. Или саморай? Тудыть-его-растудыть!

– Плох Жилет, не выдюжит. Это я вам, сударик мой, готов подтвердить опытом, который имею, – старик взял Мармеладова за локоть и доверительно шептал на ухо. – Правда, сам в карты не играю, позвольте задуматься, лет двадцать. Да-да, с тех пор, как в 1855 году преставился его императорское величество, Николай Павлович, упокой Господи его бессмертную душу…

– Странно, – пробормотал сыщик, не поворачивая головы, – с такими ловкими пальцами в шулеры бы податься. А вы выбрали опасную стезю карманного вора. Не вздрагивайте. Зачем допускать к нашему маленькому секрету окружающих? Они карманных воров не любят куда больше, чем тех, кто карты мухлюет. Отойдем на два слова.

Они незаметно переместились в темный угол у дальней стены.

– Как прикажете к вам обращаться[31 - Разным классам Табели о рангах соответствовало разное обращение. Титулярный советник и низшие чины – «ваше благородие». Коллежский советник, надворный советник, коллежский асессор – «ваше высокоблагородие». Статский советник – «ваше высокородие».]? Благородием? Высокородием? Хотя до статского советника, покамест, вряд ли дослужились, сударик мой.

– Я давно выпал из табели о рангах, да и прежде не занимал в ней особых чинов.

– Не служите? А с вашим взглядом ищейки стали бы отменным следователем. Верьте, старый Фарт видит людей насквозь. Возьмем для примера того молодого ловкача, который пытается надуть японца. Его погубит жадность. Мог, как я, щипать публику годами, срывая за вечер по два или три червонца. Жить припеваючи. Эти недотепы – вишневый сад, который приносит постоянный урожай. У одного возьму бумажку, у другого пару монет, у вас рубль серебряный выудил, а на остальное не покушаюсь. Придет человек домой, пересчитает деньги и не поймет, что его обобрали. Подумает: ну, выронил. Или в трактире лишку дал. Или извозчику. Девка стащила, а может и жена. Проиграл чуть больше. Выиграл чуть меньше. Сам себя успокоит, и я назавтра еще рублик у него вытяну. Хорошему обманщику, сударик мой, необходимо терпение. А ловкость рук и быстрота реакции – дело наживное. Но есть ли терпение у Жилета? Нет! Молодые алчут все и сразу, о будущем не думают, потому редко доживают до моих седин. Помяните мое слово, вскорости он наломает дров.

Как в воду глядел! Толпа вокруг стола зашумела, вспенилась «ахами» и «охами».

– Двойной безик! Пятьсот очков. Забирай банк, – франта поддерживали одобрительными выкриками.

Мармеладов глянул поверх склонившихся голов. Две дамы пик, два валета бубен. Обидно проигрывать, но вроде все по правилам. Чего же ярится саморай?

– Ты… Ты… – желтолицый пытался подобрать слова, но отказался от сложной затеи и выхватил из-за пояса кинжал.

Городовой заметил от двери блеск стали и метнулся вперед с возмущенным воплем. Заорал и шулер, но уже от страха. Отточенное лезвие вспороло левый рукав его сюртука, не поранив кожу. Спрятанные карты разлетелись стайкой ярких бабочек. Тузы, десятки, дамы разных мастей…

– Ты доставал отсюда, – хриплый голос срывался от ярости. – А ненужные карты прятал туда.

Острие скользнуло к животу неосторожного шулера. Трое типчиков с пропитыми лицами сунулись проверить обвинение. И действительно, в кармашке для часов лежали восьмерки и девятки, которые очков не приносят. Жухальнику заломили руки за спину.

– Ах ты, харя бесовская! – заверещал он. – Ребятушки, я фокус показывал.

– У нас за такие фокусы отрубают руку по локоть! – отрезал японец, пряча оружие обратно в складки халата.

– А я ведь упреждал, – ухмыльнулся старик, выходя из тени. – На востоке есть такая игра – ма-дзянь, кажется, – там надо запоминать комбинации из полутора сотен костей с разными значениями. Играют в нее с детства. Японцу наши двойные колоды – семечки. Даже я не забыл, что в этом раскладе безик уже сыгран. Значит, двойному взяться неоткуда. Дождался бы Жилет третьей партии, но терпения не хватило.

– Еще один игрок погорел на пиковой даме, – подытожил Мармеладов. – Ничего не меняется.

Шулер не собирался сдаваться. Одним поворотом широких плеч стряхнул мужичков, которые в него вцепились. Вторым движением выхватил из кармана маленький тупоносый пистолет. Прицелился, успел крикнуть: «Сдохни!» Но тут

же выронил браунинг и схватился за запястье. Старый Фарт ударил оловянным подсвечником – очень вовремя и так быстро, что остальные не успели шевельнуться.

– Растяпы, – пожурил он. – Смотрели на левый рукав, где карты прятал. А надо было правый карман изучать. Он туда украдкой руку совал, проверял на месте ли… Пистоль, нож или кастет, какая, в сущности, разница? Не дать этим воспользоваться – вот вопрос жизни и смерти.

Зрители мигом сбросили оцепенение. Люди здесь, как на подбор, тертые и злые. Терпеть обиду не станут. Тумаков навешают от души, а душа у русского человека широкая.

– Заметьте, сударик мой, кто сильнее пинает пойманного с поличным. Другие шулера. Видали? – старик вернулся к Мармеладову. – Толстый лупит наотмашь, Князек каблуком на руку наступил. Полицейский убийства не допустит, отгонит чуть погодя, а со сломанными пальцами Жилет вряд ли уже когда-нибудь смухлюет. Постарались добры молодцы, хотя сами могут оказаться на его месте в любой миг. Но эти двое благоразумнее, глядишь, дольше продержатся.

– Вы по той же причине геройствовать начали? – уточнил сыщик. – Чтобы не выделяться?

– Нет, другой довод перевесил. За спасение репутации заведения, – а согласитесь, стрельба и драки отпугивают клиентов, – хозяин будет впредь брать с меня меньшую мзду.

– Неужели вы делитесь с…

– Именно, сударик мой. Из каких доходов, по-вашему, Еропкин платит квартальному и другим прилипалам?! Но вы не о том желали меня спросить.

– И то верно. Просветите меня, касательно игральных карт…

VI

На следующее утро казенный экипаж заехал на Сивцев Вражек. Митя проживал в мезонине, он увидел коляску заранее, спустился вниз в халате и домашних туфлях на босу ногу.

– Ты не готов? Ехать пора!

Мармеладова переполнял азарт. Куда подевалось прежнее задумчиво-сонное настроение. Сыщик-любитель походил на пса, учуявшего дичь. Перебирал лапами, жадно вдыхал воздух и рвался с места, в погоню, пока следы не простыли. Это отличало его от полицейских и судебных служак. Те, скорее, напоминали цепных кобелей, злых, но ленивых. Такие готовы загрызть всякого, кто подойдет близко, причем не из интереса или заботы о хозяйском добре-покое, а за миску костей и мясных обрезков.

– Я, веришь ли, не выспался, – посетовал Митя.

– А я не удивлен. Благодарная фрейлина до рассвета угощала тебя… Шампанским?

– Чай пили. Да и ушел я чуть за полночь. Приличия, все-таки, – он улыбнулся, точно сытый кот, тайком отведавший сметаны. – Но из-за этой истории, веришь ли, кошмары снятся, до утра ворочался. Может, без меня управишься?

– Не ожидал увидеть гусара, сдающего позиции, – включил, включил Мармеладов едкую свою иронию, за которую многих подмывало его поколотить, да не отваживались. – Забыл девиз, завещанный Денисом Давыдовым: «Чтобы стены от „Ура!“ и тряслись, и трепетали»?

– Ну, право, братец…

– Ты мне очень нужен. Ради внушительности. Приедем к Долгоруковым, а там – сплошь придворный люд. Кто для них я? Козявка потешная. Ты же, как ни крути, власть. У тебя мундир! Фуражка! Позумент! Тебе они захотят раскрыть душу, поделиться сокровенными мыслями.

– Так прямо и захотят…

– Все взгляды прилипнут к твоим золотым пуговицам! На меня никто не посмотрит, смогу незаметно наблюдать. Это полезно для дела. Не Хлопова же с собой брать! Собирайся, прокатимся с ветерком. Кони у судейских резвые!

И вправду, серые рысаки такую скорость взяли, что Митя вцепился в фуражку двумя руками, не улетела бы на повороте. Экипаж остановился у Провиантских складов.

– Прочь, алырницы[32 - Воровки (устар.)], – кучер поднял кнут, чтобы отогнать набежавших цыганок, но Мармеладов успел его остановить.

Пожилая, скособоченная, но с пронзительно-ясным взглядом, гадалка схватила почтмейстера за руку – не вырвешься, – и затянула:

– Знаю про тебя правду. Вижу скорую печаль и беду, встречу нежданную с человеком из прошлого. Ай, счастье тоже вижу. Позолоти руку, сокол ясный, ничего не скрою.

Две другие, совсем девчонки, – внучки, а то и правнучки цыганки, – подошли к коляске с другой стороны.

– Ба-а-арин весе-е-елый, ба-а-арин приго-о-ожий, – затянули они нараспев. – Дай копе-е-ечку.

Вроде ничего необыкновенного, а рука сама потянулась к карману. Серебряный рубль, вертясь в воздухе, полетел к проказницам. Младшая поймала монету на лету, поцеловала и зажала в руке. Сестрица попыталась разжать ее кулачок, да ничего не вышло. Меньшая, предвидя немедленную драку, бросилась в сторону, а другая побежала вдогон.

– Стойте, стойте! Скажите-ка, резвуньи, что при гадании на будущее означает пиковый туз?

Цыганочки вернулись, своим видом и нарочито-громким перешептыванием давая понять: это знание они оценивают не меньше, чем в еще один рубль.

– Годится, – он достал серебряный кругляш, повертел в руках.

– Ежели лег острием вверх, считай, повезло. Казенный дом или неудачи в любви, – начала одна, другая мигом подхватила, – А вниз острием, плохо. Будут дурные вести или скорая смерть…

Мармеладов щелчком подбросил монету. Старшая не удержала, нагнулась, чтоб поднять, но сестрица, вьюрком нырнула к земле, зажала денежку во второй кулачок.

– Ах, джюкли!

Взметнулись яркими кострами их лоскутные юбки, и вот уже нет никого, только пыль, поднятая босыми пятками, оседает.

Между тем, старуха взяла Митю в крепкий оборот: нагадала ему скорейшую свадьбу с богатой наследницей да повышение в чине.

– С лица ты не слишком красив, соколик, но душа у тебя красивая. Ты добрый, в жизни мухи не обидел, а на сердце печаль великая. Помогу ее победить. Вот, возьми копеечку.

В руке непонятно откуда, – не иначе из воздуха достала, – появилась потертая медяшка. Крестит ею ладонь митину, приговаривает:

– Копеечка верченая, в трех церквах освещенная, прибери боль, подари любовь, укрой от беды, огня и воды. Носи на счастье! Нет, голыми руками не бери, заверни в ассигнацию или в билетик кредитный.

– Чего удумала, ехидна! – вяло отбивался «соколик». – Отстань ты со своими забобонами[33 - Выдумками, глупостями (устар.)]!

А сам при этом нашаривал во внутреннем кармане бумажный червонец, который носил на черный день или для большой попойки. Протянул, не отнимая пальцев от края купюры. Гадалка охнула, запричитала, положила копейку на самый центр денежки, аккурат на портрет царя Михаила Федоровича. Стала скручивать и заворачивать, да так ловко, что Митя и не заметил, как отпустил

червонец. Монетка, укутанная со всех сторон, скрылась в кулаке старухи.

– Ты, это… Не балуй!

Почтмейстер подался вперед, да поздно. Цыганка с лукавой улыбкой поднесла кулак к губам, дунула внутрь и разжала пустую ладонь.

– А деньги где же? – Митя осел в коляске, будто артиллерийской канонадой оглушенный.

– Не переживай, соколик! Радуйся. Беду от тебя отвела, лютую. А ты, – гадалка резко повернулась и обожгла взглядом Мармеладова, – про карты спрашивал. Негоже мужчинам про такое ведать. Это бабье ремесло.

Повернулась уходить, но изменила свое намерение.

– Вижу, не впустую любопытство тешишь. Ин ладно. Туз пик означает, помимо прочего, ночь и зиму. Ищи, узнавай, что случилось зимней ночью. Может статься, и покой, наконец, обретешь.

Кучер сплюнул ей вослед и забухтел сквозь зубы: «растяпы, а с виду ученые». Митя тоже бормотал нечто злобное по содержанию.

– А вдруг цыганки убили? – предположил он. – У них всегда с собой колода гадальная. Отсюда и туз. Наворожили фрейлине смерть скорую, да по горлу – фьюить!

– И чем они, по-твоему… Фьюить? – переспросил Мармеладов.

– Ножичком. Или иглой цыганской, – знаешь? – длинная, ею кибитки починяют. Такой не трудно попону проткнуть или ремень кожаный. Да, понимаю твое возражение: тут большая сила требуется. Но гадалка эта недюжинно руку заломила – не каждый буян в нашем полку меня сдержал бы, а она, эвон как.

– Фантазии, друг мой. Фантазии! Не цыганка тут виновата.

– Из чего это следует? – упрямился Митя. – Почему моя версия не хороша?

– Хороша. Чудесна! Тебе романы сочинять пристало, про русского Рокамболя – все лучше той писанины, которую мне в критику отдают. Но в жизни по-другому было, и я это выведу по трем причинам.

Насупленный почтмейстер глядел в сторону, не желая встречаться взглядом с Мармеладовым.

– Послушай же! Зря горячишься. На бандита давешнего тоже наскочил, не разобравшись. Привык, понимаешь, сабли наголо! А я с Архипкой успел перемолвиться. Узнал много подробностей. Разбойники с цыганами раньше шибко резались, а на Пасху выпили мировую. Уговор у них: лихие люди не проказят на бульварах, а гадалки носа не кажут в Нескучный сад. Осмелится зайти, тут ей и смерть – либо от бандитов, либо от своих. Это первая причина.

– Повезло, – ворчливо заметил Митя. – Не заметили, что уговор нарушила.

– Три раза кряду?

– Пусть и три раза повезло, бывает такое.

– Бывает. Но вот тебе вторая причина: помнишь, слуги у летнего домика успели увидеть убийцу? Описание дали, прямо сказать, неброское – серая тень мелькнула, дескать, и пропала. А цыганки в серый цвет никогда не одеваются, у них юбки красные, издалека приметные.

– Подумаешь! Она не дура, заранее оделась в темное, чтоб со стороны не признали, – почтмейстер приосанился, предчувствуя скорую победу в споре. – Это также может служить объяснением, по какой причине бандиты не заметили ее в саду. Черное платье, а?

– Во-о-от! И я также рассуждал, знаешь эту мою склонность к внутренним монологам… Но! Есть третья причина. Помнишь, из-за чего мы разом всех разбойных людей отмели? Убийца не покусился на алмазную брошь и прочие драгоценности фрейлин. А гадалка только что умыкнула твой червонец, неужто украшение оставила бы?!

Кучер еще раз сплюнул и обернулся, явив приятелям грубое, искаженное гримасой лицо.

– Ни в жизнь! Умыкнут и кичатся, мол, ежели рука чужой вещи не зычит[34 - Желает (устар.)], то натурально отсохнет. Цыгане воровство за грех не считают, – и прояснил в ответ на непонимающие взгляды седоков. – Я сыздавна при судебном следствии, навидался-наслушался. Если цыган на краже ловят, они одну легенду талдычат. В день, когда Христа распяли, – он переложил кнут в левую руку и осенился крестом, – кузнец сковал пять гвоздей: четыре – руки-ноги прибивать, и последний, самый длинный, чтобы сердце Спасителя нашего пронзить. А кучерявый таборник пятый гвоздок выкрал. За это, дескать, Бог их народу заповедь «не укради» отменил. Брешут, окаянные, но сами верят. И готовы умыкнуть все, до чего дотянутся. Особливо у тех, кто рты раззявили…

Кучер заметил хмурое лицо почтмейстера, понял, что сказанул лишнего и прикрыл неловкую фразу хриплым кашлем. Отвернулся, ковыряя кнутовище грязным ногтем. Митя собрался было отвесить подзатыльник за дерзость, но на самом замахе был остановлен словами Мармеладова.

– Доказал! С такого взгляда, третья причина еще убедительнее. К убийству фрейлин цыгане касательства не имеют.

– Но как же пиковый туз?

– А вот, – из кармана появилась стопка карт, – сплошь пиковые. Этот пасьянсного типа, этот – французский. Смотри, вот из «Дорожного набора». Четвертый – охотничий, но этого туза ни с чем не спутаешь, целая картина размалевана: зимний лес, люди в тулупах бырчатых[35 - Овечий тулуп (устар.)], с ружьями. А этот из колоды царства польского. Одно название, что польские, масти взяты на немецкий манер и вместо пик – зеленые листья. Березовые? Скорее, липовые, – Мармеладов склонил голову, рассматривая яркие картинки. – Еще атласный вариант и первый сорт, которые рисовал художник Шарлемань[36 - Адольф Шарлемань – русский живописец, автор оригинальных рисунков для атласной колоды карт.]. Семь колод в свободной продаже. На любой изыск!

– А глазетные где?

– Нету. Вчера, после нашего приключения в Нескучном саду, отправился в картежный клуб, от знающих людей узнал, что глазетные – большая редкость по нынешним временам. Не поверил на слово, объехал с утра лавки и базары. Куда там! Торговцы в один голос убеждают: только для императорского двора такие карты печатают. А добыть целых три колоды, чтобы надергать из них тузов определенной масти, способны лишь придворные.

– Или их слуги, – предположил Митя.

– Сомневаюсь. Фрейлины – девушки высокородные, а значит, неизбежно, высокомерные. Представь на минуту, отправится ли подобная барышня среди ночи в темный парк ради встречи с лакеем, кухаркой или иной прислугой? Нет, нет и нет! А если ее ожидает приятный кавалер…

– Выходит, нужно искать придворного хлыща, который водил амуры со всеми тремя фрейлинами. Он и будет убийца, – теперь Митя с чистой совестью вломил кучеру затрещину. – Чего стоишь? Гони к особняку Долгоруковых, михрютка[37 - Неуклюжий, нерасторопный человек (устар.)]!

VII

Княжна Екатерина Михайловна занимала трехэтажные хоромы в полутора верстах[38 - Старинная мера длины, равная 1066 м.] от Нескучного сада. Дом построил дальний предок, боярин Юрий Алексеевич Долгоруков, который больше двух веков назад возглавлял московский сыскной приказ. Во время нашествия французов, ее прадед, князь Василий Васильевич Долгоруков, подпалил имение, чтобы не досталось неприятелю. С этого события и начался памятный пожар 1812 года, обративший в пепел триумф Наполеона и заставивший гордого императора спасаться бегством из Москвы. Впоследствии, – насмешка судьбы, – особняк перестраивал архитектор, выписанный из Парижа. Белые колонны и большие клумбы в точности повторили один из уголков версальского дворца.

Сейчас обстановка потускнела, богатейший прежде дворянский род скатывался к… нет, называть это бедностью, конечно, смешно, но прежней роскоши себе позволить уже не могли. Хотя родственники лелеяли надежду, что рано или

поздно княжна начнет извлекать материальные блага из своего амурного положения, но та гордо отказывалась от щедрых подарков императора.

Фаворитка государя давно проживала в Петербурге, а в московском особняке поселилась ее двоюродная тетушка. Визит племянницы с детьми и большой свитой обрадовал престарелую княгиню, но вместе с тем добавил в ее скучную, размеренную жизнь немало суеты. Разместить всех в фамильном гнезде не представлялось возможным, и часть придворных, в том числе фрейлин, поселили в летних домиках Нескучного сада. Именно это привело к последующим трагическим событиям.

– Моя вина, – повторяла Татьяна Александровна и печально крошила печенье в блюдце. – Надо было освободить этаж и отъехать в деревню. Но соскучилась по малышам, налюбоваться не могла. Ах, моя вина. Моя вина!

Княгиня принимала их в Хрустальной гостиной. Чаю не предложила. Причем не из желания подчеркнуть пропасть между собственным высоким положением и сомнительным чином визитеров, а по рассеянности. Она и свою чашку, едва пригубленную, отставила в сторону и позабыла к ней прикасаться.

Яркие лучи проникали через огромные окна и, преломляясь в колоннах из горного хрусталя, раскрашивали зал золотыми крапинами. Но настроение у присутствующих было далеко не солнечное.

– Dire la verite[39 - Честно говоря (франц.)], куда сильнее жалею не убиенных, а Катерину. Скандал ей без надобности… Государь Александр Николаевич, даруй ему Господь крепкого здоровья и победы над неприятелями, – перекрестилась, потом распахнула веер, – повелел свиту Катерине собрать. Но при дворе, сами знаете, сплошь гадюки в парчовых платьях. Отрядили ей в свиту самых пропащих. Toutes sont devergondees la-bas, hormis une-deux filles convenentes[40 - Все девушки там негодницы, кроме, пожалуй, одной-двух достойных (франц.)].

Митя сочувственно кивал, в такт излияниям – по два быстрых, коротких поклона на протяжный стон, – а прервать не осмеливался. К концу монолога почтенной дамы, заработал головокружение и почувствовал себя дурно. Мармеладов пришел на выручку:

– Ваша светлость, а не соблаговолите ли припомнить: сколько больших приемов было в этом доме, после приезда Екатерины Михайловны?

– Какие приемы, сударь? N’avez-vous pas honte?[41 - И не стыдно вам? (франц.)] – взвилась старуха в огненном гневе, буквально обжигая интонациями. – Люди мы православные, траур держим по убиенным, до девятого дня никаких увеселений. А то многие стали забывать Бога, от этого беды, войны и прочий срам!

– Выходит, гостей зазывали лишь в день прибытия княжны из Петербурга, 18 числа, – не смутился такой отповеди сыщик. – В тот вечер, среди приглашенных, не оказалось ли случайных гостей?

– За кого! Вы! Нас! Принимаете!!! – в голосе княгини захрустел снег, и потянуло прямо-таки февральским морозцем, даже солнечные зайцы разбежались. – Les gens sont de bonne compagnie ici[42 - Здесь благородное общество (франц.)] и гости солидные. Разве что по таким оказиям, как нынешняя, случайные люди захаживают.

Она поджала губы, чтобы не осталось малейших сомнений, кому именно предназначалась колкость.

– Простите, ваша светлость, простите великодушно, – примирительно загудел Митя. – Прошу понять, мы действуем по поручению-с, из Петербурга. Охранное отделение крайне обеспокоено. Давеча некто поднял руку на девушек из свиты, а завтра, – страшно подумать! – осмелится угрожать членам вашего семейства или детям самого…

– Не знаю, сударь, не знаю, – старуха обмахивалась слегка потрепанным веером из разноцветно-пышных перьев. В движениях угадывалось раздражение. – Откуда это вы взяли, что к зверствам приложил руку кто-то из благородных господ? Я скорее поверю в виновность прислуги.

– Лакеев мы отмели, они непричастны, – заявление почтмейстера вызвало презрительное «пф-ф-фуй». – Придется поверить на слово, ибо подробностей не раскрою-с. Следственная тайна.

– Я ваше слово и в медный грошик не поставлю!

Возникла напряженная пауза. Княгиня дернула к себе чашку, и пила чай мелкими, злыми глотками, изредка звякая о фарфоровое блюдце.

– Чего же вам потребно?

– Позволите ли узнать список тех, кто посетил ваш особняк 18 июля? Мы зададим пару вопросов, стараясь не причинять особого беспокойства.

– Ис-ключе-но! – а эдаким тоном пристало монеты чеканить. Светские дамы умеют поразительно быстро переменять свое внутреннее состояние. Хотя кто разберет, где настоящие эмоции, а где маски. – Чтобы позволить судейским прихвостням выслеживать и допрашивать la noblesse et la seigneurie terrienne[43 - Благородных вельмож и помещиков (франц.)]?!

– Один из них, может статься, убийца, – настаивал Митя.

– Но остальные пятьдесят – невиновны, зачем их смущать? Многие не знают о смерти девушек. Мы не рассылали сообщений. Убийство – это такой стыд! Нет, сударь, и не просите.

Мармеладов присвистнул. Безусловно, проявление дурного тона, но сделал он это нарочно, чтобы княгиня захлебнулась от возмущения.

– Полсотни гостей?! Бесполезно, не успеем объехать и опросить до полуночи. А там уж поздно будет.

– Почему важно успеть именно до полуночи?

Вопрос раздался из-за портьеры, которая закрывала проход во внутренние покои. Оттуда вышагнула молодая женщина в строгом синем платье. Губы ее были крепко сжаты. Екатерина Михайловна практически разучилась улыбаться с тех пор, как поселилась во дворце, поближе к любимому человеку. Да, этот союз многие не одобряли, но кто осмелится перечить императору?! Все жалели его законную супругу, которая вынуждена изображать на публику, что ничего не происходит. Фаворитке тоже приходилось притворяться, что ее не расстраивают злые шепоты по углам, презрительные ухмылки придворных дам, враждебные взгляды наследного принца. Не думай о будущем, живи настоящим днем, – этот

совет постоянно повторяет Александр. Она старалась, честно старалась, но поводов для улыбок было маловато. Особенно сейчас, когда ее фрейлин убивали одну за другой.

Появление княжны вызвало легкое замешательство. Почтмейстер вскочил со стула и поклонился. Мармеладов замер в своем углу, соображая – долго ли Долгорукова прислушивалась к беседе и сколь подробными должны быть пояснения.

– Закономерность есть, зловещая, – проговорил он. – Между убийствами фрейлин проходит ровно три дня. По моей теории, преступнику требуется время, чтобы растравить себя, довести до кипения эмоций. И в любой промежуток этого времени, можно распознать его одержимость. Вычислить, кто вынашивает губительную идею, и суметь остановить… Но мы попросту не успеем объехать полсотни адресов до сегодняшней ночи, а он нанесет новый удар.

– Он может покуситься на детей? Это правда?

Мармеладов пожал плечами.

– Настолько глубоко мы в чужую голову заглянуть навряд ли сумеем. Остается лишь гадать, кто станет новой жертвой.

– Георгий… Оленька! – Екатерина Михайловна побледнела и бессильно опустилась в кресло. – За детей я, признаться, особенно переживаю. Неужели в наш дом вхож безжалостный убийца?!

– Мы схватим его, непременно схватим! – с отроческой запальчивостью воскликнул Митя, а потом растерянно поник: но как?

– Рискну предложить оригинальный план, – пришел на выручку Мармеладов. – Нужно сегодня устроить прием и пригласить тех же гостей, которые были в первый день по приезду из Петербурга. Мы с приятелем побродим по залам и комнатам, так вычислить преступника будет проще.

– Ис-ключе… – начала было возражать старая княгиня, но племянница перебила ее:

– Я немедленно разошлю приглашения, отдам распоряжения лакеям и на кухню!

– Но… Траур, – Татьяна Александровна отбросила веер и сжала руки в молитвенном жесте.

– Ах, тетушка! Поверьте, я была привязана к милым девушкам, как никто другой. Но мы почтим их память, помогая изловить и наказать изверга, который такое сотворил.

– Ma bien aimee, je te demand tout de meme d’y reflechir encore un peu[44 - Душа моя, умоляю, не будь столь легкомысленна (франц.)]! Что скажут в свете…

– Хуже, чем обо мне уже судачат, вряд ли придумают, – княжна пожала плечами и тяжело вздохнула, но после решительно встала с кресла. – Можете всецело полагаться на мою поддержку, господа.

Солнечные зайцы вновь забегали по стенам Хрустальной гостиной, отразившись от золотых пуговиц мундира – это Митя склонился в глубоком поклоне.

VIII

– «Готовое платье. Шляпы на любой фасон», – прочел вывеску почтмейстер. – Уверен, что это необходимо?

– И раздумывать нечего. В приличных домах на сей счет строгие правила. Ежели два раза в одном и том же явимся, на порог не впустят.

Мармеладов толкнул тяжелую дверь и отразился сразу в трех зеркалах, высоких и узких, поставленных под углом друг к другу. Тончайший расчет заставлял покупателя прямо с порога убедиться в негодности собственного костюма. Разлохмаченные швы и штопанные дыры выпячивались моментально, а сюртук или шинелька скукоживались от осознания своей неказистости рядом с бесподобными фраками и атласными платьями, нарочно повешенными по бокам от зеркал.

– Прекрасный образчик понимания человеческой психологии. Можешь убедиться насколько глуп твой наряд в светском обществе. Сегодня на приеме эта фрейлина… Катенька, так? Выйдет к гостям в прелестном платье. Да вот, хоть в этом, голубом, – сыщик взял манекен и подвинул впритык к приятелю. – Подойдет она к расхристанному кавалеру? Ох, сомневаюсь. Скорее сошлется на головную боль и запрется в спальне, чтобы избежать позора.

– Все, все! Убедил, – усмехнулся Митя в усы. – Куплю, пожалуй. А где портной?

Из ниши в стене выкатился продавец, только и ждавший, когда посетителей задавит их собственная никчемность. Не толстый, не худой. Среднего росточка. С волосами неопределенного цвета, заглаженными на пробор и смоченными вежеталем без всякого чувства меры. Такому с ходу дашь и тридцать, и пятьдесят лет – причем и та, и другая крайность будут заблуждением.

– Портного у нас нет, господа, – мягко поправил он. – Я торгую заморскими нарядами. Держать французского жилетника или пальтошника в Москве чересчур накладно: эти шаромыги пьют водку и набивают брюхо за троих, а работают из-под палки, с черепашьей скоростью. Выгоднее привезти готовое платье из Парижа. И вот, есть что предложить… Чудесный крой. А материал! Приложите к щеке – английская шерсть, тончайшая! Сказка. Песня!

Он держал фрак на вытянутых руках и пританцовывал с ним, развевая фалды, кружась в неторопливом вальсе вокруг Мити. А тот послушно утыкался носом в рукав, угукал одобрительно, поворачивался боком, – да-да, окажите любезность, – затем другим. Почтмейстер и сам не заметил, как сбросил мундир на стоявшее поодаль кресло. Очнулся от прикосновения щеточки, смахивающей несуществующие пылинки с чудесно сидящего…

– Но откуда ты, э-э-э…

– Меня зовут Мордехай, – вежливо поклонился продавец.

– …угадал размер?

– О, не удивляйтесь. Существуют лишь два размера – «ваш» и «не ваш». Этот ваш.

Митя сдвинул назад локти, на пробу. Затем сложил руки на груди.

– Странно топорщится. Это что? Неужто ватой подбили?

– Именно так-с.

– И плечи тоже? Но с какой целью?

– Такой подбой сглаживает… э-эм, плотность фигуры и придает… четкость силуэту.

– Чего?!

– Он намекает, что некий господин из почтового ведомства, при своей неспешной должности, отрастил объемистый пузень, – язвительно подметил сыщик. – Да?

Мордехай переступил с ноги на ногу, опасливо и нервно, будто внезапно оказавшись в трясине или в зыбучих песках.

– Нет, господа. Это просто мода! В этом году носят именно так-с.

– Странно, в молодости я надевал фрак без подбивки! – упрямился почтмейстер.

– Ишь, вспомнил. Ты еще детство босоногое вспомни. Тогда ведь у тебя мамона эдакого не было.

– Заладил в одну дуду! Это ты, братец, сухой, как хворостина. А я на ответственном посту, должен производить впечатление солидное, осанистое. Сам давеча рассуждал про всеобщее уважение к золоченым пуговицам! А на тощем голодранце они сразу тускнеют и смотрятся фальшиво.

– Выходит, твое сытое брюхо гораздо полезнее для государства, чем мои впалые щеки, – продолжал насмешничать Мармеладов. – Но эту выпирающую солидность скроет шелковый жилет. Есть такие?

– Шелковый сюда не подойдет, – заявил продавец, вновь чувствуя под ногами твердый гранит многолетнего опыта. – Пикейный! И чтоб непременно на трех пуговках. Есть у меня вариант, да боюсь, единственный…

На этот раз его танец напоминал тарантеллу – быстрые движения, коленца, прыжки на месте и вот уже клиент втиснут в белоснежную жилетку.

– О-о-ох. Никак не вдохнуть полной грудью. Надо расшить слегка, сзади, там не столь заметно, – экий конфуз, даже повернуться перед зеркалом невмоготу. – Возьмешься, Мордехай? Наверняка умеешь… О-о-ох. За отдельную плату.

– Я позор семьи, – притворно всхлипнул тот. – Отец шьет. Дядя шьет. Братья шьют. Кузены шьют. А я не умею…

– Что же делать?

– Забудьте про жилет. Подберу вам камербанд, столичные модники успешно сочетают его с фраком. Правда, в вашем возрасте это рискованно, но можно взять строгий цвет…

– Видишь, Митя, ты не только толстый, но и старый, – откомментировал Мармеладов.

Уши почтмейстера вспыхнули, в глазах промелькнуло затравленное, но вместе с тем возмущенное выражение. Гранит дал трещину. Через секунду покупатель гневно сорвет фрак, скомкает и забросит в дальний угол, а то и растопчет в припадке бешенства. Надо спасать ситуацию. И вещицу.

– Ухмыляетесь… А у самого сюртучок на локтях повытерся. Паршиво выглядит. Небось, много пишете?

– Не без того.

Продавец нырнул в левый ряд, повозился немного и представил два сюртука, черный и блекло-серый.

– Этот, последний, рекомендую. Идеальный выбор и совершенно вашей атмосферы. Примерьте. Сидит? Красота!

– И в какую цену красоту нынче ставят?

– Десять рублей.

– Курьез, – сыщик потер переносицу, вспоминая прежние времена. – Я в Петербурге на весь гардероб девять рублей с полтиной тратил. В лавке Федяева еще и гарантию обещали: ежели за год брюки сносишь, то новые выдадут даром. А теперь за один пиджачишко червонец отдай…

– Это зависит от широты торговых аппетитов. Сверните за угол, на Кузнецкий мост. Вы на десять рублей и пуговицу не купите! А у меня – цельный пиджак. Причем не абы какой. Сукно высшего сорта и по самой нонешней моде. Готов предложить к нему галстух изумительной красы. Бесплатно. А ваш сюртучок принять в счет.

– Согласен, – сыщик переложил в карманы новой одежды вчерашнюю газету, а также горсть серебра и меди. – Во сколько оценишь?

– По справедливости, в три рубля. Потертые рукава, пятна от чернил… Итого с вас причитается семь рублей. И за галстух – пятьдесят пять копеек.

– Ах, ирод! Клялся, что галстух за так отдашь.

– Ему цена – два целковых, а заплатите вы мелочишку. Практически за так!

Мармеладов засмеялся и начал отсчитывать монеты, выставляя их столбиком на конторке. Митя, опешивший от их стремительного торга, стоял с разинутым ртом.

– Выходит, твоя идея насчет «многого не надо, обойдусь и малым» – пустые слова?

– Отчего же? Мне и вправду не нужны новые вещи. Я меняю сюртук в целях маскировки.

– Будь по-твоему, братец, коли сам в это веришь. Мордехай, может, и манишка найдется у тебя? А бабочка?

– Все есть! Ежели мужчина любого возраста придет неглиже, то от меня он сможет отправиться в театр, на свадьбу, даже в дворянское собрание. Подберу костюм за пристойную цену.

– Дай-ка угадаю, десять рублей?

– Обижаете, господа. Обижаете. За фрак – двенадцать. А за камербанд и рубашку с модным воротником еще…

– Дракон! – вздохнул почтмейстер, хотя втайне весьма радовался, что без тесного жилета удается дышать. – Как есть дракон. Кровопийца!

IX

Мармеладов отвез Митю в почтовую контору, а сам отправился в редакцию «Московских ведомостей». Поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, вслушиваясь в равномерный грохот сердца газеты – огромных печатных станков в подвале, затягивая носом сочный аромат типографской краски. Ему нравились здешняя суета и постоянное движение. Газетные репортеры напоминали торопливые буквы, округлые или угловатые. Утром они носились по городу, опрашивая свидетелей ночных происшествий, наблюдая за драками да пожарами, выуживая скупые слова из полицейских и иных чинов. К полудню рассаживались по окрестным трактирам, наспех обедали, – хотя многие еще только завтракали, – а заодно ловили самые значительные сплетни. Ровно в половине второго все собирались в необъятном кабинете редактора, г-на Каткова, где и хвастались «добычей». Те, чьи новости произвели впечатление и были одобрены к публикации, устремлялись отписывать статейки за маленькими столиками, тыча тупыми перьями в полупустые чернильницы. Остальные уходили топтать мостовые в поисках «побасенок, более годных для завлечения читателя». Редкие счастливчики, умеющие ублажать публику сатирическими фельетонами, подхватывали чужие темы и возвращались в трактиры, чтобы выпить для вдохновения чаю с баранками, а может вина или анисовки.

После четырех часов являлись уже не буковки, а буквицы. Заглавные, ленивые, изукрашенные резными листьями или серебряными узорами. Писатели, поэты, политические резонеры театральные критики, а то и разорившиеся дворянчики, разоблачающие скандалы из высшего общества. Эти подолгу засиживались у Каткова, сообщая «крайне ценные и сугубо приватные сведения», или попросту торгуясь, чтобы подороже продать дутую сенсацию.

Мармеладов обычно старался подгадать время так, чтобы попасть в промежуток между этими двумя наплывами. По заведенному обычаю прошел через общую комнату ни с кем не заговаривая, прямиком в закуток г-на Ганина, помощника редактора. Передать рукопись, обменяться дежурными фразами о здоровье и судьбе России – в сущности, минутное дело. Он постучал в дверь, шагнул в кабинетик и оказался в самом центре урагана.

– До каких пор современную женщину будет выталкивать по обочину дороги мужское самомнение? – бушевала молоденькая нигилистка, сидя на диване. – Сколько можно припечатывать, как будто кроме шитья, похлебки и детей мы в жизни ничего не умеем?

– Некоторые и похлебку не умеют, – поморщился Ганин, вспоминая вчерашнюю ботвинью, приготовленную супругой. – Но это, разумеется, не про вас речь, Лукерья Дмитриевна, – добавил он поспешно.

Барышня начала краснеть. Подобным образом раскаляется кочерга, оставленная в камине – от темно-вишневого цвета до ярко-алого, а по краю проступает изжелта-белая полоса. Трогать такую – себе дороже. Обожжешься. Да и сама Луша Меркульева напоминала стальной прутик: стройная, тонкая, с острым носиком, но при этом дерзкая и несгибаемая.

Сыщик знал историю этой непокорной девицы. Отец-тиран в далекой зауральской губернии выдавал ее за стареющего промышленника. Жених годами приближался к шестидесяти, и был ровным счетом в четыре раза старше невесты. Это не смущало батюшку. Он искренне надеялся, что зятек долго не проживет, и удастся прибрать к рукам пару мануфактур и приисков. Алчные родственники фабриканта, братья и племянники – народ склочный, все не отдадут, за копейку ор поднимут. Но жирный кусок перепадет молодой жене обязательно. Старикан же потирал руки в предвкушении: юная красавица из приличной семьи идет к нему, фактически, в услужение. А ее худенькие плечи и

тонкие запястья вызывали последние проблески вожделения.

Свадьбу назначили на Красную горку. Лукерья позднее часто пересказывала этот эпизод своей биографии, – в назидание безутешным девицам, – и подчеркивала: больше всего возмутило отношение. У вас, дескать, товар, у нас купец. «Спорили о выгоде. Кто больше на венчание потратит, какое приданое… Меня не смущались. Сижу в комнате, а права возразить не имею – как бочка селедки засоленной или кусок мяса на прилавке. Я взбеленилась: не позволю этим вурдалакам ломать мою судьбу», – и добавляла с нескрываемым волнением, – «женщина в наш просвещенный век должна бороться за собственную свободу и независимость!»

Она сбежала из дома на Егория Вешнего. Долго не раздумывала. Прочла в газете, что в Петербурге и в Москве открылись новые курсы, где обучают учительниц и медсестер. Благотворительницы – отец называл их «чертовы бабы», и от этого они становились в представлении Луши еще большими героинями, – на свои деньги содержали «Общество взаимопомощи». Не бросят в беде. Нужно добраться туда. Через пол-империи. Без рубля в кармане и крепких башмаков. Путешествие отчаянное, практически безнадежное для пятнадцатилетней девочки. Но глаза ее пламенели столь яростно, что дикие звери, лесные разбойники, провинциальные сластолюбцы и прочие лиходеи не осмелились причинить вреда. А добрые люди… Их в России много, просто мы не замечаем, хорошие ведь все – на одно лицо, не то, что отрицательные персонажи, которых взгляд в любой толпе сразу выхватывает. Так вот, эти самые скучные бессребреники помогли добраться в столицу.

Приняли ее с распростертыми объятиями. Беглянка от ига семьи, сбросившая позорное ярмо, рвущаяся к свободе – шикарный пример, показательный и столь вовремя: начинается дворцовый сезон: балы, ассамблеи, пышные приемы. Будет о чем поболтать, да и средства собрать в пользу прекрасной мученицы не помешает.

Два года Лукерья училась, а заодно работала в издательской артели, печатала книги и брошюры. Запоминала яркие фразы разных авторов, оттачивала свои суждения и вскоре стала выступать перед собраниями. Высокий, но при этом чуть хрипловатый голос, придавал словам агрессивно-истерическое звучание. Она не уставала повторять сонным соратницам: «Несчастные девицы заблудились в дремучем лесу невежества, посаженном и взращенном эгоистичными мужланами, поэтому кричать „Ау!“ следует очень громко. Иначе

не услышат. Не выйдут на зов, к свободе и равенству!»

Девушке исполнилось восемнадцать лет и покровительницы «Общества» отправили ее в европейские университеты. Набираться знаний, а заодно понаблюдать, как организованы кружки эмансипанток. Лейпциг оказался скучным и чопорным, к студенткам там относились без уважения. На одном из диспутов Меркульеву бесцеремонно лишили слова, в ответ она сдернула парик с профессора Хоффштайнера, обнажив убогую лысину. Заслужила тем самым признание целого курса, отчисленную грубиянку провожали аплодисментами до ворот. В Цюрихе иностранных девушек было много, она попросту затерялась в толпе. Эмансипацию здесь понимали по-разному: кому-то было достаточно закрепленной законом возможности разводиться по желанию жены, но некоторые требовали непременных избирательных прав. Были и такие, кто призывал создавать общества, изолированные от надоевших самцов, где женщины станут управлять и властвовать, любить друг друга нежно и страстно… Дальше Луша убегала, зажав розовеющие от стыда уши. Смышленая барышня быстро сообразила – всяк дудит в свою дудку и гармоничного оркестра не получится. Переехала в Париж, в знаменитую Сорбонну. Правда, от тутошних разговоров щеки пунцовились еще чаще. Особенно, когда обсуждали книги Великой Авроры[45 - Аврора Дюпен, баронесса Дюдеван – французская писательница, издававшая книги под псевдонимом Жорж Санд и выступавшая за эмансипацию женщин.] и подруги заявляли: плотские утехи под стать стакану воды, и если кто умирает от жажды, то нужно его тотчас напоить… Меркульева прогоняла от себя подобные мысли. Зато активно поддерживала идею, что современная, обновленная женщина, отринувшая пережитки прошлого, должна получить образование, найти достойную работу и собственным трудом зарабатывать на жизнь. Тогда «товар» сможет выкупить себя из отчего дома без «купцов», неравных браков и прочей дребедени…

Полгода назад она вернулась в Петербург, настроенная на борьбу, но великосветские благодетельницы к тому времени переключились на другие «прожекты»: содержали юных балерин или отправляли за границу оперных певичек, чтобы учились щебетать не хуже итальянок. Своей не в меру активной протеже «чертовы бабы», – прав был, выходит, суровый батюшка, – предложили работу в одной из одежных лавок Гостиного двора. Продавать корсеты и прочие модные штучки, а заодно обсуждать с дамами идеи французских les femmes[46 - Женщин (франц.)]. Раздавленная столь вопиющим предательством высоких идеалов, Лукерья уехала в Москву. Устроилась работать в газету. Мечтала писать статьи о нелегкой женской доле, приближая светлое будущее каждым многозначительным многоточием. Но ее не допускали даже к заметкам о холере

в Крыму, которые печатались без авторской подписи. Редактор считал, и не без основания, что в светлой головке, окруженной облаком светло-русых локонов, слишком много нигилизма, феминизма, и еще других, не менее вредных «измов». Вот дурь повытряхивается, тогда может быть… Пока же приходилось разбирать почту и собирать архив. За это полагалось семь рублей недельного оклада, но прижимистый г-н Катков регулярно удерживал полтину, а то и семьдесят копеек, на «моральные ущербы».

Без таких не обходилось. В прошлом месяце девушка плеснула горячий чай в морду разносчику газет, посмевшему назвать ее «профурсеткой». А пять дней тому назад в раздражении вырвала шило из рук метранпажа и проткнула глаз министру финансов Рейтерну. Правда, лишь на портрете, но перепугала многочисленных свидетелей дикой сцены. Потому г-н Ганин осторожничал в выражениях и выдумывал, как сподручнее кликнуть репортеров на помощь, не потеряв при этом лица. Хотя лучше десять раз потерять лицо, чем единожды окриветь! А вдруг эта безумная опять острием начнет тыкать… Он обрадовался визиту Мармеладова и постарался перевести все внимание на вошедшего.

– А-а-а, господин критик! Рассудите спор: если женщины требуют равных прав с мужчинами, то это должно касаться не только личной или общественной жизни, но и… Э-э-эм… Способов умерщвления. То есть казни. Без жалости, без снисхождения, которые иногда проявляет суд к девицам в кружевных чепчиках, проливающим крокодильи слезы в притворном раскаянии…

Схватился-таки за кочергу. Отдернул руку, да поздно. Сгорел, обратился в пепел и разлетелся под напором урагана.

– Знаете ли вы, самовлюбленный прыщ, – взъярилась Лукерья, – что по статистике семь из десяти женщин, представших перед судом, обвиняются в убийстве нелюбимого мужа?! Дайте им развод, и они не совершат преступления, а отправятся восвояси, строить новые отношения, растить в себе свободную личность.

– Блудить они отправятся! – повысил голос и Ганин.

Закричал не в гневе, а скорее от испуга – пришел момент привлечь побольше народу из коридора, пусть удержат тигрицу, если решит наброситься. Расчет строился на вековых наблюдениях: журналисты – народ любознательный, и

вдвойне, если речь о чем-то пикантном. Найдут предлог заглянуть или под дверью подслушивать встанут.

Расчет оправдался. В кабинет шумно ввалились два публициста – Садкевич и Гусянский. Серьезные авторы, фамилии коих неизменно блистали на первой полосе. Их польза для газеты проистекала из знаков препинания. Обычные репортеры ставили запятые и точки, оттого заметки щелкались, словно каленые орешки. Эти же, по общему мнению редакции, брали читателя за душу и склоняли к размышлениям. Старик Садкевич обожал заправлять свои тексты вопросами – вкрадчивыми («куда смотрит..?») или оглушительными («доколе мы будем терпеть?») Его более молодой коллега клеймил и обличал. Министров, градоначальников, городовых, уездных предводителей дворянства и земских докторов – рано или поздно достанется всем! Они и встали у дверей в соответствии со своими предпочтениями. Один вытянулся восклицательным знаком, подпирая головой притолоку. Другой ссутулился, застыв в нелепом полупоклоне, и спросил негромко:

– Об чем галдеж, господа?

Лукерья резко вскочила на ноги, прожигая его раскаленным взглядом.

– Господа?! Гос-с-с-пода? Даже в этом обращении вы проявляете свой… мужланский снобизм. Среди вас дама! Неужели не заметили? Или заведомо отказываете мне в праве голоса?

Публицисты дрогнули и собрались сбежать, но поймав затравленный, умоляющий взгляд начальника, остались. А нигилистка уже обращалась к третейскому судье – Мармеладову.

– Что взять с убогих умишком. Но даже замечательные мыслители… Читали вы статью Пирогова[47 - Николай Пирогов – русский хирург, естествоиспытатель и педагог.] об идеальной женщине?

– Ту, которая не была опубликована, но по всей империи расходится в рукописных копиях? – уточнил он. – Читал.

– Впечатлились?

Она вновь села на диван, гневно дыша и раздувая ноздри. Не дожидаясь ответа, зачастила дальше:

– Прогрессивный ученый, а скатился к патриархальной дикости. Назвал трактат «Молись, люби, трудись». Каково? Предлагает современной девушке молиться! Стать хранилищем и рассадником одурманивающего опиума для народа.

– Помилуйте, но не в этом ли высший идеал равноправия? Перед Богом все равны.

– Ничего подобного! Вы заповеди читали? Не возлюби жену ближнего. Ж-е-н-у! То есть и этот текст, и вся религия сочинялись во имя мужчин. А нам отведена роль безмолвных существ, вроде овец. Куда пастух прикажет, туда и иди покорно – на пастбище или на заклание.

– Кощунница, – ахнул Ганин. – Не смейте…

Но та отмахнулась и продолжала:

– Или вот про любовь Пирогов выцедил две строчки. Одолжение сделал, признал, что и мы имеем право на это чувство. Но сразу спохватился, огородил морально-нравственной решеткой, – она задумалась на секунду и процитировала по памяти, – «люби чисто, нежно, глубоко и бескорыстно, такая идеальная любовь высока, свята и непоколебима». Святоши лукавые.

– А вам непременно подавай любовь, как в романах! – глумливо оборвал Гусянский. – Чтобы терять голову от нахлынувшей страсти! Балкон, серенада, томление сердца, влюбленные кабальеро. Бесстыдство и разврат!

– Разврат, блуд… Вы глядите на женщин сквозь призму собственных мыслей, оттого и говорите глупости, – вступился Мармеладов, не скрывая презрительной ухмылки. – Лично я не вижу ничего отвратительного в желании женщин выходить замуж по любви и взаимной симпатии. Их часто лишают такой возможности, утешая замшелой мудростью: «стерпится – слюбится». Но это вздор. Поверните ситуацию наизнанку. Вокруг матриархат и вас, Гусянский, заставляют жить со сварливой каргой преклонных лет. Стерпитесь? Сумеете полюбить? Хотя вы и так, сказывают, не прочь приударить за почтенными купчихами, из тех, что побогаче. Где вам понимать любовь. А я твердо верю:

только искреннее чувство должно соединять людей. Остальное – произвол. И г-н Пирогова в своих теориях придерживается этого мнения.

Луша слушала восхищенно, кивала в такт его словам, но в конце сердито надула губы.

– Сомневаюсь. Этот ваш доктор, конечно, достойный человек и герой войны, но все знают, – вторую жену ему сосватали насильно. Именно для нее сочинялся этот пашквиль о пользе молитв и труда.

– Чем он вам не угодил? – выступил в своей извечно-вопросительной манере Садкевич. – Вы вечно агитируете, что женщина должна выбирать путь труда и сама себя обеспечивать, разве не так?

– Так, – согласилась Лукерья, но тут же перешла в контратаку. – Так, да не так. Я призываю барышень учиться, осваивать профессии, ремесла. А Пирогов явно передергивает. По его словам, главный женский труд – знай себе рожай и воспитывай детей, да за домашним хозяйством присматривай, дабы кухарка не воровала.

Мармеладов, предвидя новую бурю, примирительно вскинул руки.

– Не судите излишне строго г-на Пирогова. Он вполне солидарен с вами в вопросах образования. Всякая мать и домашняя хозяйка обязаны понимать: вращается Земля вокруг Солнца, и никак иначе. Уважительной тональности статьи тоже не стоит умалять. Помните этот пассаж? «В слове „женщина“ заключается не один индивид, не только настоящее и прошедшее. Женщина – это целое поколение, это будущее!»

Нигилистка смущенно потупилась.

– Я не дочитала до этого места, бросила на середине. Устала от мракобесия.

– Молитва, любовь и честная работа – это не самые плохие слагаемые идеала. Гораздо хуже было бы, предположим… «Ешь, люби, пляши». Торжество стрекоз над муравьями.

– Со стрекоз и начинался наш сегодняшний спор, – замахала руками Лукерья, снова вспыхивая рубином щек. – Знаете ли вы, какую сенсацию преподнесла я этой проклятой газете? Девушек режут в центре Москвы. Фрейлин императорского двора!

– Фрейлины? Да откуда вы взяли, что именно они? В «Известиях» про то не писали.

– Подумаешь, «Известия»! У меня есть собственные источники, чтобы кувшин доверху налить и отнести к читателям, ни капли не расплескав по дороге. Я хочу написать статью для первой полосы, а этот трусливый сморчок не дозволяет.

Ганин, морщинистый и оплывший, выглядывал из-за своей конторки. Он и в самом деле напоминал гриб, в другое время сыщик посмеялся бы над столь удачным сравнением. Но тяжелая мысль навалилась могильной плитой: откуда Меркульевой так много известно про убийства? Ведь следствие ведется в строжайшей тайне. Но с другой стороны, в Москве проживает шестьсот тысяч человек по последней переписи, – попробуй в эдакой толпе сохранить секрет. Цирюльник с друзьями-гуляками, выйдя из кутузки, поспешили в кабак. Куда же еще?! Шумно пили, трезвоня направо-налево, что легко отделались от обвинений в убийстве. В питейную отправился и ошалевший жених. Опять же, слуги из долгоруковского дома ходят на базар и в лавку, языки чешут. И через это уже весь город знает о зверствах в Нескучном саду.

Точнее, догадывается.

Любой сплетник передает новость по цепочке, искажая ее выдуманными подробностями. Корень всех историй общий – тела убитых фрейлин, но дальше произрастают развесистые баобабы из домыслов и фантазий. В итоге Замоскворечье трясется при мысли о жестокой банде, разрубающей прохожих гусарскими саблями на мелкие куски. А где-нибудь на Сретенке опасаются выходить вечерами на улицу, поскольку в округе шастает бешеный волк. Выдумывают и бредовые небылицы, про явление демонов из преисподней, которые еженощно рвут когтями гулящих девок, утаскивая их под землю – потому, дескать, у полиции и следов найти не выходит. Правды же не знает никто. Пока в газетах не напечатают – считай, и не было ничего, пустая болтовня.

Но если напечатают…

– Ни строчки не дам! – в раздражении «сморчок» еще больше сморщился и начал потешно пыхтеть. – Третьего дня заезжал следователь и запретил любое касательство к данной теме на страницах газеты. Приказ из Сам-Петербурга!

– Публике необходимо знать! – возмутилась Лукерья.

– Нельзя! Иначе мы лишимся казенных объявлений, за публикацию которых имеем солидные отчисления. Да и цензурное взыскание «Ведомостям» без надобности, – Ганин пожевал губы и добавил слегка извиняющимся тоном. – Я понимаю ваше желание призвать к ответу губителя женщин…

– Ха! Да разве это женщины? Кокетки безмозглые. Их в Смольном институте учат одному – угождать мужчинам. Эти добровольные узницы шелкового плена только и мечтают быть хорошими женами или любовницами богатых вельмож… Бесполезный мусор. Я сама готова таких резать, поверьте, рука не дрогнет, – она рубанула по воздуху. – А изловить убийцу надо не во имя отмщения этих раззолоченных куриц, а чтобы ненароком завтра честную и работящую девушку не пырнул ножом. Дайте мне написать об этом, ничтожный гнус!

Терпение имеет свои пределы, безграничны, как известно, лишь жадность да подлость людская. Чаша в душе г-на Ганина давно переполнилась, не хватало последней капли – этого самого оскорбления. Он побледнел, открыл рот, чтобы закричать, но вышло хриплое сипение. Прокашлялся, выдохнул и предпринял новую попытку.

– Па-а… Кхе-м! Па-а-ади… те отсюда пр-р-рочь!

Раскаленную кочергу сунули в ушат с ключевой водой. Луша откинула голову назад, словно от удара, зашипела, сквозь стиснутые зубы и выбежала из кабинета. По пути чуть не снесла обоих публицистов, но те вовремя отпрыгнули в стороны.

– Рыдать убёгла? – предположил Садкевич.

– И поделом! – впечатал Гусянский.

Заместитель редактора медленно и обстоятельно вытирал испарину с лысеющей головы широкой белой тряпицей, привезенной супругой из паломничества по святым местам. Говорят, помогает от сглаза да порчи.

– Д-до каких пор п-потакать безобразнице?! – выдавил он смущенно, оправдываясь за вспышку ярости. – В отцы ведь ей гожусь.

– Это скорее минус, а не плюс. Не любит она отца, – пробормотал Мармеладов. – И что-то мне подсказывает, окриками вашу бунтарку не успокоить.

– Ништо! До возвращения из Швейцарии г-на Каткова в газете ни одного сообщения не появится. Пускай он сам решает – не плюнуть ли на запрет. История, коль судить непредвзято, отменная выходит. Читателям понравится, тираж увеличим. А что вы принесли? Очередную критику? Надо признать, ловко вы поддеваете этих, возомнивших себя…

Сыщик щурился вслед сбежавшей нигилистке и взвешивал на внутренних весах: ужели и вправду могла бы она зарезать трех ни в чем неповинных девиц ради нескольких строчек в газете?!

X

В трех окрестных церквах звали к вечерне. Звонарь Святого Алексия старался пуще других. Сперва он раскачал тяжелый язык благовестника, и стопудовый гигант загудел волжским басом. Красные колокола подхватили ритм, сплетая замысловатые кружева мелодии, а зазвонная связка изредка тренькала дискантом. Динь-динь-доли-дон. Звуки цеплялись за облака и плыли с ними дальше – над Москвой-рекой, Нескучным садом и лысеющей головой титулярного советника Хлопова.

Судейский следователь прибыл заранее и суетился, чтобы успеть до съезда гостей. Он питал надежду, что те задержатся в храме, или, более вероятно, в лавке Тёпфера[48 - Дом модной одежды, располагался на Моховой улице.], примеряя фраки и шляпки. Хотя высокородные особы по нынешним временам редко выезжают в многолюдные места, брезгуя столкнуться с купцами,

мещанками, а то и куда хуже, с бывшими крепостными. Стесняются своего же народа, вишь ты! Заказывают все с доставкой на дом – французские вина, модистку-бельгийку, цирюльника, труппу императорского театра. И Бога, в том числе. Строят часовни в своих имениях, но даже в них захаживают редко – выпросить избавление от антонова огня[49 - Гангрена (устар.)] или богатый урожай в Т-й губернии, от которого зависит семейный доход. А граф Алсуфьев, известный своими причудами, велел по воскресеньям служить вечерню сразу после заутрени – чтобы до обеда отмолиться, а после предаться чревоугодию. И от прочих грехов не отвлекаться…

Хлопов поглядывал на часы и силился незаметно расставить городовых вокруг особняка Долгоруковых.

– Парами становитесь. Парами! Это по двое, балда. Семен Трофимыч, чего ж они у тебя такие тупые?

– Эт еще смекалистые, вашбродь, – заворчал в ответ околоточный надзиратель. – Зато бегают быстро и способны любого в бараний рог завернуть. А сегодня, как я уразумел, такие и требуются.

Следователь с сомнением покачал головой и присел на скамейку, вырезанную из огромного куска мрамора. Неудобно как… Художник придал спинке вид снежного барса, припавшего к земле. Ухо каменной зверюги больно давило на позвоночник.

Дворянские выверты. Вечно они! Чтоб им пусто было! Спокойнее, спокойнее…

Дело в руки плывет отменное: убийца из благородных, приятно такого р-р-раз и к ногтю. Продвижение по службе обеспечено. А неудобства потерпим-с.

– Значит, как только раздается свисток, перекрываете улицы, особливо те, что к Нескучному саду ведут. Задерживать каждого прохожего-проезжего: графинь, генералов, мужиков, баб, детей… Нет, детей это я погорячился. Но до свистка не мелькать, а то спугнем висельника, – следователь насупил брови и разогнал служивых властным взмахом руки.

Митя наблюдал за этой сценой из окна угловой комнаты во втором этаже, отведенной для карточных игр. Здесь стояли четыре стола под зеленым сукном,

на которые слуга раскладывал непочатые колоды.

– Скажи, братец, чего это наш общий знакомый одет в лакейскую ливрею? Он, вроде, по важнейшим делам.

– Так именно затем, чтобы не важничал. Ты днем от княжны поехал в почтовую контору, а я в редакцию «Ведомостей» и оттуда прямиком к судейскому крючку – коляску вернуть, мыслями поделиться. А тот раскраснелся, руками машет: «Сам должен руководить арестом убийцы, непременно сам». Алчет славы, боится, что лавры нам перепадут. Предложил переодеться слугой – вернейший шанс и присматривать за нами в залах, и прислушиваться к разговорам на кухне и в людской. Он поначалу артачился, но учитывая высочайшее поручение сделать все неприметно и без скандала, позволил себя убедить. Был Хлопов, а стал Холопов! Уморительно будет наблюдать, как он разносит закуски или свечи калетовские[50 - Стеариновые свечи в те годы выпускались только фабрикой Калета, оттого это название стало нарицательным.] меняет. Избегается за вечер.

Мармеладов ходил между столов, притрагиваясь к картам самыми кончиками пальцев. Нравилось ему быть сыщиком, отметил про себя Митя. Не скучным филером из жандармерии или дознавателем из околотка. Нет, скорее он походил на заморского гения мосье Дюпена, и замашками – абсолютно книжный персонаж. Схватил колоду. Разорвал обертку, карты прыснули в стороны. Через секунду успокоился, собрал в аккуратную стопку. Постучал по столу, выравнивая край. Раздвинул павлиньим хвостом. Вынул карту наобум. Девятка треф. Обнюхал и с лица, и с изнанки. Казалось, вот-вот лизнет, чтоб выведать вкус, но удержался.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дорогая ткань с крупным рельефным рисунком.

2

Иван Тестов, московский купец и ресторатор.

3

Шерстяная ткань с коротким ворсом.

4

Разновидность дешевого сукна.

5

Большой Патриекеевский трактир – фешенебельный ресторан, располагался на Театральной площади в Москве.

6

Бараний желудок, набитый кашей и потрохами, запеченный до золотистой корочки.

7

Кисло-сладкое блюдо из муки и солода.

8

В 1875 году в Москве издавались две газеты с похожим названием – «Русские ведомости» и «Московские ведомости».

9

Колода карт с «рубашкой», по легенде, срисованной с парчового платья императрицы Елизаветы Петровны.

10

Балбес (устар.)

11

Пиджак (жарг.)

12

Воровской язык, а в более широком смысле – воровская жизнь (жарг.)

13

Бутырская тюрьма (жарг.)

14

Таганская тюрьма (жарг.)

15

Воровской притон (жарг.)

16

Полиция (жарг.)

17

Ножом зарезанную (жарг.)

18

Колода карт (жарг.)

19

Пиковый туз (жарг.)

20

Убийство (жарг.)

21

Банды (жарг.)

22

Драгоценный камень.

23

Купюра, достоинством в 5 рублей (жарг.)

24

Купюра, достоинством в 10 рублей (жарг.)

25

Наручники (жарг.)

26

Пересыльная тюрьма (жарг.)

27

Недорогая полушерстяная ткань.

28

Король и дама одной масти.

29

Четыре карты одного достоинства.

30

Пять карт одной масти, идущие подряд.

31

Разным классам Табели о рангах соответствовало разное обращение. Титулярный советник и низшие чины – «ваше благородие». Коллежский советник, надворный советник, коллежский асессор – «ваше высокоблагородие». Статский советник – «ваше высокородие».

32

Воровки (устар.)

33

Выдумками, глупостями (устар.)

34

Желает (устар.)

35

Овечий тулуп (устар.)

36

Адольф Шарлемань – русский живописец, автор оригинальных рисунков для атласной колоды карт.

37

Неуклюжий, нерасторопный человек (устар.)

38

Старинная мера длины, равная 1066 м.

39

Честно говоря (франц.)

40

Все девушки там негодницы, кроме, пожалуй, одной-двух достойных (франц.)

41

И не стыдно вам? (франц.)

42

Здесь благородное общество (франц.)

43

Благородных вельмож и помещиков (франц.)

44

Душа моя, умоляю, не будь столь легкомысленна (франц.)

45

Аврора Дюпен, баронесса Дюдеван – французская писательница, издававшая книги под псевдонимом Жорж Санд и выступавшая за эмансипацию женщин.

46

Женщин (франц.)

47

Николай Пирогов – русский хирург, естествоиспытатель и педагог.

48

Дом модной одежды, располагался на Моховой улице.

49

Гангрена (устар.)

50

Стеариновые свечи в те годы выпускались только фабрикой Калета, оттого это название стало нарицательным.

Купить: https://tellnovel.com/babickiy_stass/pikovyy-tuz

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити